NATIONAL BOOK AWARD
WINNER
Лауреат
Национальной
книжной
премии США
ДАФНА ДЮМОРЬЕ
Полет Сокола
PREMIUM

Азбука Premium

Дафна Дюморье

Полет сокола

«Азбука-Аттикус»
1965

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Дюморье Д.

Полет сокола / Д. Дюморье — «Азбука-Аттикус», 1965 — (Азбука Premium)

ISBN 978-5-389-13749-3

Уже несколько десятилетий книги известной английской писательницы Дафны Дю Морье (1907 – 1989) пользуются огромным успехом во всем мире. Писательница – мастер психологического портрета и увлекательного, захватывающего сюжета – создает в своих произведениях таинственную, напряженную атмосферу. За свою долгую жизнь она написала множество романов, рассказов, несколько пьес и эссе. В романе `Полет сокола` рассказывается о судьбе двух братьев Донати, потерявших друг друга в годы войны. Их встреча, после долгих лет разлуки, в маленьком итальянском городке Руффино, городе их детства, влечет за собой целый ряд таинственных и трагических событий...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-13749-3

© Дюморье Д., 1965
© Азбука-Аттикус, 1965

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 12
Глава 3 19
Глава 4 25
Глава 5 32
Глава 6 40
Глава 7 47
Конец ознакомительного фрагмента. 49

Дафна Дюморье
Полет Сокола

Daphne du Maurier
The flight of the falcon
Copyright © Daphne du Maurier, 1965
© Н. Тихонов (наследник), 2017 © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017 Издательство АЗБУКА®

Глава 1

Мы прибыли вовремя. Руководство «Саншайн Турз» в печатных проспектах информировало своих клиентов, что автобус прибывает в отель «Сплендидо» в Риме около шести часов вечера. Взглянув на часы, я увидел, что до указанного времени остается три минуты.

– Вы должны мне пятьсот лир, – сказал я Беппо.

Водитель усмехнулся.

– В Неаполе посмотрим, – сказал он. – В Неаполе я выставлю вам счет больше чем на две тысячи.

Всю дорогу мы держали пари. У каждого была записная книжка, где мы вели счет часам и километрам, после чего определяли, кому выкладывать деньги. Как правило, последнее выпадало на мою долю независимо от того, кто выигрывал. Я был групповодом и получал больше чаевых.

Улыбаясь, я обернулся к своему стаду.

– Леди и джентльмены, – сказал я, – добро пожаловать в Рим, в город пап, императоров и христиан, бросаемых львам на растерзание, не говоря уже о кинозвездах.

Мои слова были встречены взрывом смеха. На заднем ряду кто-то зааплодировал. Им нравятся такие приемы. Любое шутливое замечание групповода помогает наладить связь между ним и его подопечными. Как водитель, Беппо, возможно, и отвечал за их безопасность в дороге. Я же в качестве гида, администратора, посредника и пас тыря душ держал в своих руках их жизнь. Групповод может сделать тур, а может и испортить его. Подобно хоровому дирижеру, он должен силой своей личности заставить всю команду петь в унисон, смирить слишком заносчивых, ободрить робких, договориться с молодыми, ублажить стариков.

Я встал со своего кресла и увидел, что из вращающихся дверей отеля навстречу нам спешат носильщики. Я наблюдал за тем, как мое стадо выходит из автобуса, словно сосиски из коптильной машины. Пятьдесят, все до единого, – от Ассизи до Рима мы не останавливались, поэтому пересчитывать по головам не было необходимости, и я повел их к стойке портье.

– «Саншайн Турз», Лига англо-американской дружбы, – сказал я.

Пожал руку портье. Мы были старыми знакомыми. Уже два года я работал на этом маршруте.

– Удачная поездка? – спросил он.

– Довольно удачная, – ответил я. – Вчера во Флоренции весь день шел снег.

– Чего же вы хотите, еще только март, – сказал он. – Вы, ребята, слишком рано открываете сезон.

– Скажите это в главной конторе в Генуе, – заметил я.

Все было в порядке. Разумеется, фирма зарезервировала нужное количество мест, и, поскольку сезон только начинался, руководство отеля разместило всю мою группу на третьем этаже. Все останутся довольны. Ближе к лету мы будем считать, что нам повезло, получив номера этаже на пятом, да к тому же в самом конце здания.

Портье наблюдал, как моя группа заполняет холл.

– Что вы нам привезли? – спросил он. – Священный союз?

– Не спрашивайте. – Я пожал плечами. – Они объединили силы во вторник, в Генуе. Что-то вроде клуба. «Говяжьи туши» и «варвары». Ресторан, как всегда, в половине восьмого?

– Все накрыто, – ответил он. – Прогулочный автобус заказан на девять. Желаю повеселиться.

В нашем туристическом деле мы всегда даем клиентам особые кодовые названия. Англичане у нас «говяжьи туши», американцы – «варвары». Возможно, не слишком комплиментарно, зато выразительно и точно. Когда мы из Рима правили миром, эти люди ходили в звериных шкурах. Так что ничего оскорбительного.

Я обернулся, чтобы поприветствовать глав своей англо-американской группы.

– Всё отлично, – сказал я. – Всех разместили на третьем этаже. В каждом номере есть телефон. По любому вопросу звоните портье, и вас сразу со мной соединят. Обед в половине восьмого. Встретимся здесь. О'кей?

Теоретически с этого момента у меня был час и двадцать минут на то, чтобы найти свою берлогу, принять душ и свалиться на кровать. Но это редко удавалось. Не удалось и сегодня. Только я скинул пиджак, как зазвонил телефон.

– Мистер Фаббио?

– У телефона.

– Это миссис Тейлор. Полная катастрофа! В Перудже я оставила в отеле все пакеты с покупками из Флоренции.

Мне бы следовало об этом догадаться. В Генуе она оставила пальто, а в Сиене – калоши. И настояла, чтобы эти вещи, абсолютно ненужные южнее Рима, затребовали по телефону и переслали в Неаполь.

– Мне очень жаль, миссис Тейлор. Что было в пакетах?

– В основном бьющиеся предметы. Две картины… статуэтка микеланджеловского Давида… несколько пачек сигарет…

– Не беспокойтесь, я об этом позабочусь. Сейчас же позвоню в Перуджу и распоряжусь, чтобы пакеты переправили в нашу контору в Генуе, где вы их получите на обратном пути.

От того, насколько заняты администраторы, зависело, поручу ли я им позвонить в Перуджу, или мне самому придется этим заняться. Лучше самому. В конце концов, сэкономлю время. Как только эта Тейлор к нам присоединилась, я сразу распознал в ней растеряху. Она вечно что-нибудь оставляла или роняла. Очки, шарфы, почтовые открытки все время вываливались из ее бездонной сумки. Чисто английский недостаток, видовой порок. В целом «говяжьи туши» доставляют мало хлопот, хотя из-за своей неуемной жажды солнца сгорают они чаще, чем туристы других национальностей. В первый же день путешествия они наряжаются в хлопчатобумажные платья, ходят с голыми руками и ногами, отчего становятся красными, как черепичные крыши. И мне приходится сопровождать их в аптеку за всякими мазями и лосьонами.

Снова затрезвонил телефон. Но звонили не с коммутатора, чтобы соединить меня с Перуджей. Звонил один из «варваров». Естественно, опять женщина. Мужья никогда мне не докучают.

– Мистер Фаббио?

– Слушаю.

– Догадайтесь, кто. Мальчик!

Я мучительно напряг память. «Варвары» выкладывают всю историю своей жизни в первый же вечер в Генуе. Кто из них ждал первого внука у себя в Денвере, штат Колорадо? Миссис Хайрэм Блум.

– Мои поздравления, миссис Блум. Такое событие надо отметить.

– Знаю. Я так взволнована, что не соображаю, что делаю! – Восторженный возглас чуть не разорвал мне барабанную перепонку. – Так вот, я хочу, чтобы вы и кое-кто еще встретились перед обедом со мною и мистером Блумом и выпили за здоровье малыша. Скажем, в четверть восьмого.

Это на полчаса сократит мое свободное время, а из Перуджи еще не звонили.

– Вы очень любезны, миссис Блум. Я буду. У вашей невестки все хорошо?

– Прекрасно. Просто прекрасно.

Чтобы она не вздумала читать мне телеграмму, я поспешил положить трубку. Во всяком случае, есть время побриться, а если повезет, то и принять душ.

Следует с осторожностью относиться к приглашениям клиентов. День рождения или годовщина свадьбы вполне законны, как и появление первого внука. Но не больше, иначе отношения могут осложниться, и вы рискуете испортить весь тур. Кроме того, когда дело касается выпивки, групповод обязан строго дозировать свою норму. Что бы ни случилось с его компанией, он должен оставаться трезвым. Водитель тоже. А это иногда бывает нелегко.

Еще не обсохнув после душа, я уладил дела с Перуджей и, с трудом натянув на себя чистую рубашку, спустился вниз проверить, как обстоят дела с заказом в ресторане. Два больших стола в центре зала, оба на двадцать пять персон, и посередине каждого – высившиеся над букетами цветов связанные друг с другом флаги обеих стран: «Звезды и полосы» и «Юнион Джек». Это нравится всегда и всем. Клиенты считают, что флаги придают особое настроение происходящему.

Пара слов метрдотелю с уверениями, что моя группа сядет за стол ровно в половине восьмого. Здесь любят, чтобы туристы принялись за десерт до того, как остальные клиенты начнут подходить к своим столикам. Для нас это тоже имело значение. Мы работали четко по расписанию и в девять часов должны были отбыть на экскурсию «По ночному Риму».

Последний раз сверить время – и в бар.

Их была небольшая горстка – собравшихся поднять тост за младенца Блума, но слышно их было уже из холла, где не принятые в компанию «говяжьи туши», холодные и надменные, сидели группами по два-три человека, уткнув лица в английские газеты. Оглушительные голоса варваров-экстравертов повергли в немоту англосаксов.

Миссис Блум, что твой фрегат под всеми парусами, двинулась мне навстречу.

– Ах, мистер Фаббио, вы не откажетесь от шампанского?

– Полбокала, миссис Блум. Только чтобы пожелать долголетия вашему внуку.

В счастье этой женщины было что-то трогательное. Вся ее персона излучала благодушие. Она взяла меня под руку и подвела к своей компании. Как любезны они были, боже милостивый, как любезны… В своей всеобъемлющей сердечности они были живым воплощением присущей «варварам» жажды любви. Задыхаясь, я подался назад. Но через мгновение устыдился самого себя, и волна всеобщего дружелюбия захлестнула меня.

В Генуе у меня хранилось немало подношений от соотечественников миссис Блум. Десятки рождественских открыток, писем, приветов… Помню ли я поездку двухлетней давности? Когда я навещу их в Штатах? Они часто обо мне думают. Они назвали своего младшего сына Армино. Искренность этих посланий вызывала у меня краску стыда. Я никогда не отвечал на них.

– Мне крайне неприятно нарушать ваш праздник, миссис Блум. Но уже почти половина восьмого.

– Как скажете, так и будет, мистер Фаббио. Вы хозяин.

В холле представители двух стран перемешались и на мгновение застряли: мужчины – поприветствовать новых знакомых, женщины – бросить оценивающий взгляд на платья друг друга. И вот мое стадо в пятьдесят голов, мыча и жужжа, направилось в ресторан. Я в роли скотника замыкал шествие.

При виде флагов раздались возгласы удовольствия. Какое-то мгновение я опасался, что мои подопечные разразятся национальными гимнами «Звездное знамя» и «Боже, храни королеву» – такое случалось, – но я вовремя поймал взгляд метрдотеля, и нам удалось усадить их прежде, чем это произошло. И вперед, к моему маленькому столику в углу. Один из «варваров»-одиночек пристроился к углу длинного стола, откуда мог наблюдать за мной. Я

его сразу вычислил, поскольку хорошо знаю людей этой породы. От групповода он ничего не добьется, и не исключено, что в Неаполе у меня будут с ним неприятности.

За обедом я обычно проверял счета. Так у меня было заведено. Мне не мешал шум голосов, стук тарелок. Если не заниматься подсчетами каждый день, то не сведешь концы с концами и не оберешься неприятностей в центральной конторе. Бухгалтерские дела меня не обременяли. Занимаясь ими, я отдыхал. Когда цифры были сведены, а тарелка убрана, я мог откинуться на спинку стула, допить вино и выкурить сигарету. То было время истинного отчета – но не в суммах, которые требовалось ежедневно отправлять в Геную, а в своих собственных мотивах и побуждениях. Сколько еще это будет продолжаться? Зачем я этим занимаюсь? Что гонит меня, словно отупевшего возничего, на моем вечном бессмысленном пути?

«Нам за это платят, не так ли? – сказал как-то Беппо. – Мы зарабатываем неплохие деньги».

В Генуе у Беппо были жена и дети. Милан, Флоренция, Рим, Неаполь – для него все едино. Работа есть работа. После поездки – три дня выходных, дом, постель. Он был доволен. Никакой внутренний демон не нарушал его покоя, не задавал вопросов.

Невнятный говор, на фоне которого выделялись голоса «варваров», перерос в рев. Мое небольшое стадо гомонило во все горло. Сытые, ублаженные, с языками, развязанными содержимым выпитых бокалов (неважно, что в них было налито), они на краткий миг освободились от забот и сомнений в ожидании того, что принесет ночь, – а что могла она принести, как не сон рядом с супругом или супругой после мимолетного осмотра старинных, чужих и непривычных им зданий, фальшиво подсвеченных ради их удовольствия и промелькнувших за запотевшими от их дыхания окнами заказного автобуса. Каждый из них утратил свою индивидуальность. Они слились воедино, бежали от всего, что их сковывало и сдерживало, – но куда?

Надо мной склонился официант.

– Автобус ждет, – сказал он.

Без десяти девять. Время забирать пальто, шляпы, шарфы, пудрить носы. Лишь после того как я всех пересчитал и они вошли в автобус – была одна минута десятого, – я сообразил, что насчитал только сорок восемь голов. Двух недоставало. Я справился у водителя, местного жителя, поскольку Беппо разрешалось провести этот вечер по своему усмотрению.

– Две синьоры вышли раньше других, – сказал он мне. – Они вместе пошли по улице.

Я оглянулся через плечо в сторону виа Венето. Отель «Сплендидо» находится на соседней улице, но с тротуара видны яркие огни, освещенные витрины магазинов и машины, текущие по направлению к порта Пинчана. Для большинства женщин это место предлагает гораздо больше соблазнов, чем Колизей, куда мы направлялись.

– Нет, – сказал водитель, показывая налево. – Они пошли вон туда.

Из-за здания на углу виа Сицилиа показались две явно спешащие фигуры. Мне следовало бы сразу догадаться. Две вышедшие на пенсию школьные учительницы из Южного Лондона. Вечно обо всем расспрашивающие, вечно все критикующие, они были ярыми реформистками. Именно эта парочка заставила меня остановить автобус на пути в Сиену: они уверяли, что какой-то человек жестоко обращается со своим ослом. Именно они, увидев во Флоренции заблудившегося кота, вынудили меня потерять полчаса нашего драгоценного времени на поиски его дома. В Перудже мать, выговаривавшая ребенку, в свою очередь получила выговор от школьных учительниц. И вот теперь они, возмущенные и негодующие, с громким топотом подскочили ко мне:

– Мистер Фаббио… кто-то должен что-нибудь сделать. Там, за углом, на церковной паперти скорчилась старая женщина. Она очень больна.

Я с трудом сдержался. Римские церкви служат прибежищем для всех нищих, бродяг и пьяниц, которым придет охота развалиться на паперти, пока их не заберет полиция.

– Не волнуйтесь. В этом нет ничего необычного. Полиция о ней позаботится. А теперь, прошу вас, поспешите. Автобус ждет.

– Но это возмутительно. У нас в Англии…

Я твердо взял обеих женщин под руки и подвел к автобусу.

– Вы не в Англии, а в Риме. В городе императоров ослам, котам, детям и престарелым воздается по заслугам. Старухе повезло, что в наше время львам не скармливают всякие отбросы.

Учительницы все еще задыхались от негодования, когда автобус, свернув налево, проезжал мимо той самой церкви, где лежала женщина.

– Смотрите, мистер Фаббио! Смотрите!

Я покорно подтолкнул локтем водителя. Он понял и, чтобы мне было лучше видно, снизил скорость. Туристы, сидевшие справа, прильнули к окнам. Уличный фонарь рельефно освещал женскую фигуру. У меня, как и у каждого человека, бывают минуты, когда в памяти что-то включается и я испытываю ощущение, которое французы называют deja vu. Где-то, как-то, одному Богу известно когда, я уже видел эту склоненную позу, это бесформенное одеяние, эти скрещенные на коленях руки, голову, покрытую тяжелой шалью. Но не в Риме. Мое видение было не отсюда. Воспоминание детства, затуманенное прошедшими годами.

Когда автобус рванулся дальше, навстречу залитой светом прожекторов мечте каждого туриста, один из влюбленных на заднем ряду достал губную гармошку и заиграл «Arivederci Roma» – песню, давно приевшуюся мне и водителю, но очень популярную среди «варваров» и «говяжьих туш».

Чуть позже полуночи мы вернулись к отелю «Сплендидо». Моя группа в пятьдесят голов, зевающая, потягивающаяся и, смею надеяться, довольная, по одному вышла из автобуса и прошла во вращающиеся двери отеля. К этому времени они уже были столь же индивидуальны, как автомобили массового производства, только что сошедшие с конвейера.

Я умирал от усталости и хотел лишь одного: поскорее оказаться в постели. Инструкции на завтра, последние наставления, благодарности, пожелания доброй ночи – и конец. Забытье на семь часов. Групповод может исчезнуть. Когда дверь лифта закрылась за последним, как мне показалось, из них, я вздохнул и закурил сигарету. Это было лучшее мгновение дня. Но из-за колонны, где он, должно быть, прятался, выступил одинокий «варвар» средних лет. Он покачивал бедрами, как делают все они при ходьбе, бессознательно отождествляя себя со своими цветными собратьями.

– Как насчет того, чтобы пропустить стаканчик в моем номере? – спросил он.

– Извините, – ответил я, – но это против правил.

– К черту правила, – заявил он. – Сейчас нерабочее время.

Он вразвалку подошел и, бросив взгляд через плечо, сунул мне в руку бумажку.

Я повернулся и вышел на улицу. Такое уже случалось, случится и еще. Мой отпор и вызванная им враждебность со стороны «варвара» станут фактором, с которым придется считаться на протяжении всего путешествия. Надо терпеть. Учтивость, которой я был обязан своим работодателям в Генуе, не допускала жалоб. Но «Саншайн Турз» платила мне не за то, чтобы я утолял похоть или скрашивал одиночество клиентов.

Я дошел до конца квартала и на минуту остановился, впитывая холодный воздух. Мимо проехали две или три машины и скрылись. С виа Венето за моей спиной доносился приглушенный шум невидимого транспорта. Я посмотрел в сторону церкви – на паперти по-прежнему лежала одинокая фигура.

Я бросил взгляд на бумажку, которую все еще держал в руке. Это была купюра в десять тысяч лир. Намек, подумал я, на будущие милости. Я перешел улицу и наклонился над спя-

щей женщиной. От нее пахло винным перегаром, изношенной одеждой. Я нащупал спрятанную под шалью руку и вложил в нее деньги. Вдруг женщина пошевелилась. Подняла голову. У нее были орлиные черты лица, некогда большие глаза глубоко ввалились, пряди выбившихся из-под шали волос рассыпались по плечам. Наверное, она приехала издалека: при ней были две корзины с вином, хлебом и еще одной шалью. И вновь меня охватило ощущение близости прошлого, чувство, которое невозможно объяснить. Ее рука, теплая, несмотря на холодный воздух, задержалась на моей в бессознательном порыве благодарности. Ее губы шевельнулись.

Я отвернулся и, кажется, побежал. Назад, в отель «Сплендидо». Если она и позвала меня – а я мог поклясться, что позвала, – я не слышал, не хотел слышать. У нее есть десять тысяч лир, утром она найдет кров и пищу. У нее нет со мной ничего общего, а у меня с ней. Задрапированная фигура, склоненная, словно в погребальной молитве, – порождение моего воображения и не имеет никакого отношения к пьяной крестьянке. Во что бы то ни стало я должен заснуть. Должен быть бодрым к утру, к посещению собора Святого Петра, замка Святого Ангела…

У групповода, у возничего нет времени. Нет времени.

Глава 2

Я проснулся словно от толчка. Кто-то назвал меня Бео? Я включил свет, встал с кровати, выпил стакан воды и посмотрел на часы. Два часа ночи. Я снова упал на кровать, но сон не шел ко мне. Голая, безликая спальня отеля, моя одежда, брошенная на стул, расчетная книга и план маршрута на столе были частью моего повседневного существования и принадлежали миру совсем другому, а не тому, в который меня неосторожно завлекло мое погруженное в сон сознание. Бео… Благословенный. Детское имя, которое мои родители и Марта дали мне, скорее всего, потому, что я был последним ребенком, последним прибавлением в семейном кругу: между мной и моим старшим братом Альдо разница в восемь лет.

Бео!.. Бео!.. Этот возглас все еще звучал у меня в ушах, и я не мог избавиться от страха, от чувства непонятной угнетенности. Во сне я был уже не групповодом, а странником во времени: рука об руку с Альдо стоял я в приделе церкви Сан-Чиприано в Руффано, не сводя глаз с алтарного образа. На картине было изображено воскресение Лазаря. Из зияющей могилы вставала фигура мертвеца, запеленутая в страшный саван – вся, за исключением лица, с которого бинты спали, открыв ожившие глаза, с ужасом устремленные на Господа. Стоявший в профиль Христос звал его мановением пальца. Перед могилой в мольбе и отчаянии лежала женщина, скрытая тяжелыми складками одежды, – предположительно Мария из Вифании, которая поклонялась своему Учителю и которую часто путают с Марией Магдалиной. Но в моем детском воображении она походила на Марту. На Марту, мою няню, которая каждый день меня кормила, одевала, сажала на колени, качала на руках и называла меня Бео.

Алтарный образ преследовал меня по ночам, и Альдо знал это. Когда по воскресеньям и праздникам, сопровождая родителей и Марту к мессе, мы шли не в собор, а в приходскую церковь Сан-Чиприано, то почти всегда стояли в левом нефе. Наши отец и мать, как, впрочем, и все родители, не замечая страхов, которые преследуют их ребенка, никогда не смотрели в нашу сторону и не видели, что брат, схватив меня за руку, заставляет все ближе подходить к распахнутым воротам придела, пока мне не остается ничего другого, как поднять голову и глядеть во все глаза.

– Когда мы придем домой, – шептал Альдо, – я одену тебя Лазарем, а сам буду Христом и призову тебя.

Это было хуже всего. Гораздо страшнее самого алтарного образа. Из груды грязного белья, которое Марта приготовила к стирке, Альдо вытаскивал измятую ночную рубашку нашего отца и натягивал ее мне на голову. Для моего утонченного ума это было унизительно, а мой маленький желудок выворачивало от сознания, что я завернут в ношеные одежды взрослого. Меня начинало тошнить, но противиться не было времени. Меня бросали в кладовку под лестницей и закрывали дверь. Как ни странно, но против этого я не возражал. Кладовка была просторной, а на сколоченных из реек полках лежало чистое, свежее белье, пахнущее лавандой. Здесь почивала безопасность. Но не долго. Поворачивалась ручка. Дверь тихо отворялась, и звучал голос Альдо: «Лазарь, выходи!»

Столь велик был мой страх и дух столь привычен исполнять команды брата, что я не осмеливался выказывать неповиновение. Я выходил, и самым ужасным для меня было то, что я никогда не знал, кого встречу – Христа или дьявола. Согласно оригинальной теории Альдо, они были едины и к тому же (он так и не объяснил почему) равнозначны.

Поэтому иногда мой брат, облачаясь в простыню и держа в руках трость вместо посоха, представал Христом и встречал меня с улыбкой, кормил сластями, был добр и ласков; иногда, одетый в черную рубашку фашистской молодежной организации, членом которой состоял, вооруженный кухонной вилкой, изображал дьявола и принимался тыкать в меня своим орудием. Я не понимал, чем бедный, воскрешенный из мертвых Лазарь заслужил такую нена-

вись дьявола и почему его друг Христос так бесчестно его бросил. Но Альдо никогда не терялся, он объяснил мне, что между Богом и Сатаной идет бесконечная игра: они делают ставки на души, совсем как люди в наших руффанских кафе бросают кости. Неутешительная философия.

Затягиваясь сигаретой на кровати в отеле «Сплендидо», я недоумевал: что заставило меня перенестись в тот кошмарный мир, где Альдо был моим властелином? Я выпил за здоровье новорожденного «варвара», и, наверное, моя неуправляемая память перепутала его со мною самим, с робким Бео из ушедшего в небытие мира; и когда я увидел лежащую на ступенях церкви женщину, во мне с прежней силой ожило видение алтарного образа в Сан-Чиприано – любившая и Лазаря, и Христа Мария, распростертая перед отверстой могилой. Но если в этом и заключалось объяснение, то оно не удовлетворяло меня.

Вскоре я снова заснул, но лишь затем, чтобы погрузиться в еще больший кошмар. Алтарный образ обрел связь с другой картиной, на сей раз из герцогского дворца в Руффано, где наш отец занимал почетный по тем временам пост главного хранителя. Портрет, который висел в бывшей герцогской спальне и всеми любителями искусства почитался шедевром, был написан в начале пятнадцатого века одним из учеников Пьеро делла Франческа на сюжет Искушения. Он изображал Христа, стоящего на вершине храма. Фантазия художника сделала фон портрета похожим на одну из парных башен герцогского дворца – самая примечательная архитектурная деталь фасада; они гордо высились над Руффано. Более того, лицу Христа, смотрящего с портрета на горы за окном комнаты, дерзновенный художник придал сходство с Клаудио, безумным герцогом по прозванию Сокол, который в безрассудном порыве бросился с башни, уверовав, как гласит легенда, в то, что он Сын Божий.

Много веков картина пролежала в кладовых дворца, пока, уже после Рисорджименто, ее не обнаружили во время реконструкции здания. С тех пор она украшала или, как ворчали некоторые возмущенные обитатели Руффано, оскверняла герцогские апартаменты. Эта картина, как и алтарный образ в Сан-Чиприано, потрясала и в то же время зачаровывала меня, о чем Альдо отлично знал. Иногда он силой заставлял меня, без ведома отца, вместе с ним подниматься по ветхой винтовой лестнице башни и, открыв старинную дверь, ведущую прямо на верхнюю площадку, со сверхъестественной, как мне тогда казалось, силой поднимал меня на балюстраду.

– Вот здесь и стоял Сокол, – говорил Альдо. – И здесь его искушал дьявол. «Если ты Сын Божий, бросься вниз; ибо написано: Ангелам Своим заповедает о Тебе, и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею».

Далеко внизу лежал Руффано, пьяцца дель Меркато. Люди, машины, повозки, как муравьи, копошились на пыльной равнине. Не знаю, сколько лет мне тогда было. Наверное, пять или шесть.

– Сказать тебе, что сделал Сокол? – спрашивал Альдо.

– Нет, – молил я, – нет…

– Он распростер руки и полетел. Он стал птицей. И его руки были крыльями. Он парил над крышами своего города, и люди, как зачарованные, не сводили с него глаз.

– Это неправда! – крикнул я. – Он не мог полететь. Он не был птицей, не был соколом. Он был человеком и упал. Мне папа говорил.

– Он был соколом, – настаивал Альдо. – Он был соколом и полетел.

Во сне запомнившаяся мне страшная сцена повторялась вновь и вновь. Я цеплялся за балюстраду, Альдо стоял за мной. Затем с силой, несравненно большей, чем та, какой я обладал в детстве, я отпрянул назад, вырвался из его рук и побежал вниз по винтовой лестнице туда, где меня ждала Марта. Она звала меня: «Бео!.. Бео!..» Ее руки были раскрыты, и она крепко обняла меня, даря ласку и утешение. Но откуда в мой сон вошел запах старой, изношенной одежды? Дешевого вина?

На этот раз, проснувшись, я почувствовал, что сердце бешено колотится у меня в груди и что я весь покрыт потом. Кошмар был слишком реален, слишком ярок, чтобы рисковать третьей с ним встречей. Я зажег свет, сел в кровати, вынул записную книжку и занялся подсчетами, пока меня не сморило от усталости. Я задремал и спал без сновидений до семи утра, когда меня разбудил стук в дверь, возвестивший о приходе официанта с булочками и кофе.

День начался по обычному распорядку. Ночь со всеми ее ужасами осталась где-то позади. Как всегда, начал звонить телефон, и через какие-то десять минут я с головой ушел в организационные мелочи предстоящих часов: планы тех, кто желал провести утро в магазинах и присоединиться к остальным за ленчем; планы тех, кто жаждал увидеть собор Святого Петра, но не хотел бродить взад-вперед по длинным галереям Ватикана.

Вниз, к автобусу и ожидавшему нас Беппо, который, в отличие от меня, провел вечер в тепле и уюте своей любимой траттории.

– А знаете, – сказал он, – нам стоит поменяться местами. Вы поведете автобус, а я буду крутить шашни с клиентами.

Это был намек на мой вид, на мое измученное бессонной ночью лицо. Я сказал, что согласен на его предложение.

Когда наше отдохнувшее стадо разместилось в автобусе, с нетерпением ожидая «Дневного Рима», готового показать им все свои красоты, я заметил, что одинокий «варвар», страждавший моего сочувствия, демонстративно меня не замечает.

Наша колесница свернула налево и проехала мимо той самой церкви, которая, непостижимым образом слившись с Сан-Чиприано, превратила мой ночной сон в кошмар. Паперть была пуста, крестьянка исчезла. Я надеялся, что она уже потворствует своим слабостям и вновь разжигает внутренний огонь теми десятью тысячами лир, что я ей дал. Бывшие учительницы к этому времени успели забыть о ее существовании. Они листали путеводитель и перечисляли соседям, что из содержимого виллы Боргезе – первая остановка – нельзя обойти вниманием. Я нисколько не удивился, когда через двадцать минут увидел, как они торопятся пройти мимо совершенно пристойных статуй, чтобы жадно впиться глазами в нагло развалившегося гермафродита.

Все дальше и дальше, вниз к пьяцца дель Пополо, через Тибр к замку Святого Ангела, оттуда к собору Святого Петра и Ватикану. Затем, слава богу, ленч.

Беппо, умный малый, съедал свой ленч в автобусе, там же читал газеты, спал. Ну а я, как всегда, играл роль дирижера, и в ресторане неподалеку от собора Святого Петра мне было не до отдыха. Миссис Тейлор уже потеряла зонтик, оставила, как ей казалось, в гардеробе Ватикана. Не буду ли я любезен как можно скорее им заняться? В два часа мы должны были выехать на осмотр терм Каракаллы, затем вернуться к Форуму и несколько часов провести в его развалинах. Здесь я обычно отпускал вожжи и предоставлял своих подопечных самим себе.

В тот день все вышло иначе. Я разыскал потерянный зонт и переходил виа делла Кончилацьоне, когда заметил, что несколько человек меня опередили и обступили Беппо, который вслух читал какую-то газетную заметку. Он подмигнул мне, наслаждаясь ролью переводчика. У его слушателей был потрясенный вид. В автобусе я увидел двух учительниц, и во мне проснулись дурные предчувствия.

– Чем вы так взволнованы? – спросил я Беппо.

– Убийство на виа Сицилиа, – сказал Беппо, – в сотне ярдов от отеля «Сплендидо». Эти дамы заявляют, что видели жертву.

Более голосистая из них с негодующим видом повернулась ко мне:

– Та бедная старая женщина, должно быть, это она. Водитель говорит, что ее нашли заколотой на паперти в пять часов утра. Мы могли бы ее спасти. Это ужасно, я просто слов не нахожу.

Я был так потрясен, что не мог вымолвить ни слова. Мой апломб как рукой сняло. Я вырвал газету из рук Беппо и стал читать. Заметка была короткой.

> «В пять часов утра на паперти церкви на виа Сицилиа было найдено тело убитой женщины. Она была заколота ножом. По внешности потерпевшая походила на бродягу с явными признаками опьянения. При ней обнаружено несколько мелких монет, в связи с чем случившееся, скорее всего, следует рассматривать как немотивированное убийство. Полиция разыскивает всех, кто видел эту женщину или заметил вблизи церкви что-либо необычное и может оказать помощь в расследовании преступления».

Я вернул газету Беппо. Группа ждала моей реакции.

– Очень прискорбно, – сказал я, – но, боюсь, не столь уж необычно. Убийства случаются в любом городе. Остается надеяться, что преступника скоро схватят.

– Но мы ее видели! – возмущалась учительница. – В девять часов вечера Хильда и я пытались поговорить с ней. Тогда она не была мертва. Она спала и тяжело дышала. Вы видели ее из автобуса, когда мы проезжали мимо. Все ее видели. Я хотела, чтобы вы что-нибудь тогда сделали.

Беппо поймал мой взгляд и пожал плечами. Затем послушно направился к автобусу и забрался на свое сиденье. Разбираться – мое, а не его дело.

– Мадам, – сказал я, – я не хочу показаться бессердечным, но нас это не касается. Мы и тогда мало что могли сделать для этой женщины. А сейчас – и того меньше. Этим займется полиция. А теперь… мы уже и так выбились из расписания…

Мнения разделились. Остальные члены группы успели присоединиться к нам и спрашивали, что случилось. Прохожие останавливались и глазели на нас.

– В автобус, – твердо сказал я. – Прошу всех в автобус. Мы задерживаем движение.

Даже когда все заняли свои места, возбуждение не улеглось. «Варвары», избравшие своим спикером мистера Хайрэма Блума, придерживались мнения, что вмешательство в чужие дела до добра не доводит. Того и гляди нарвешься на оскорбления. Англосаксы, и прежде всего две учительницы из Южного Лондона, пылали праведным гневом. Умерла женщина, умерла на церковной паперти в нескольких сотнях ярдов от папского города Ватикана, в пределах слышимости британских туристов, спавших в отеле «Сплендидо», и, если римская полиция не умеет работать, самое время, чтобы лондонский бобби преподал им урок.

– Так что? – шепнул Беппо мне на ухо. – Полицейский участок или Термы Каракаллы?

Беппо повезло, он не был в этом замешан. Иное дело я. «Немотивированное убийство» – писала газета, не располагавшая фактами. Женщину убили не из-за нескольких мелких монет, а из-за десяти тысяч лир, которые я вложил ей в руку. Все крайне просто. Такой же, как и она, бродяга с пустым желудком наткнулся на нее ночью, прикарманил деньги, возможно, разбудил ее и, испугавшись, заставил умолкнуть навсегда. Наши мелкие преступники не питают особого уважения к человеческой жизни. Кто прольет слезу над бродягой, да к тому же и пьяницей? Рукой зажать рот, быстрый удар – и прочь.

– Я настаиваю, – с истерическими нотками в голосе заявила учительница, – что надо заявить в полицию. Мой долг рассказать все, что мне известно. Возможно, для них будет небесполезно узнать, что мы видели ее на паперти в девять часов. Если мистер Фаббио отказывается идти со мной, я пойду одна.

Мистер Блум дотронулся до моего плеча.

– Что за этим последует? – спросил он вполголоса. – Какие-нибудь неприятности для остальных членов группы? Или вы сделаете обычное формальное заявление от имени одной из этих дам и тем все ограничится?

– Не знаю, – ответил я. – Когда полицейские начинают задавать вопросы, ни в чем нельзя быть уверенным.

Я велел Беппо ехать дальше. Голоса тех, кто придерживался иного мнения, всколыхнулись и замерли у меня за спиной. Надо было принимать какое-то решение. Одно неосторожное движение – и гармония моего стада нарушится, ее сменит дух недоброжелательства и озлобленности, губительный для всякого тура.

Я достал блокнот и протянул мистеру Блуму пачку билетов.

– Будьте добры, возьмите на себя руководство группой в Термах Каракаллы и на Форуме. Там есть гиды, говорящие по-английски. Если возникнут трудности, Беппо сможет перевести. В половине пятого мы должны быть в Английской чайной на пьяцца ди Спанья. Там я с вами встречусь.

Учительница наклонилась вперед.

– Что вы намерены делать? – требовательным тоном осведомилась она.

Отступать было некуда. Я попросил Беппо высадить нас у первой же стоянки такси. Две самаритянки и я проводили взглядом автобус, отправлявшийся к Термам Каракаллы. Редко я так сожалел о расставании со своей паствой. По дороге в Главное полицейское управление мои спутницы были на удивление молчаливы. Они не ожидали столь быстрого осуществления своих планов.

– Полицейские будут говорить по-английски? – спросила более нервная из двух женщин.

– Сомневаюсь, мадам, – ответил я. – Неужели вы полагаете, что ваши полицейские говорят по-итальянски?

Они переглянулись. Я почувствовал холодную враждебность, приковавшую обеих женщин к их местам. А также откровенное недоверие к римскому праву. В любом городе Главное полицейское управление не вызывает приятных чувств, но мне наша миссия была куда более не по душе, чем моим спутницам, которые могли рассматривать ее как лишнюю возможность обогатить свой туристический опыт. При виде формы мне всегда хочется убежать. Топот ног, краткие слова команды, холодный изучающий взгляд вызывают у меня тяжелые ассоциации. Они напоминают мне юность.

Доехав до места, мы вышли из машины, и я попросил шофера подождать, предупредив, что мы можем отсутствовать довольно долго. При этом я говорил нарочито громко и четко, чтобы мои спутницы поняли смысл моих слов.

Наши шаги глухо раздавались во дворе Главного полицейского управления. Из справочного бюро нас провели в приемную, из приемной – в кабинет. Дежурный офицер спросил наши имена, адреса и осведомился о характере нашего дела. Когда я сообщил ему, что две англичанки желают предоставить информацию относительно женщины, убитой прошлой ночью на паперти церкви на виа Сицилиа, он пристально посмотрел на нас. В воздухе явно чувствовалась напряженность. Затем он позвонил и отдал короткое распоряжение человеку, явившемуся на его зов. Через мгновение в комнату вошли еще два офицера. Появились блокноты. Теперь все трое внимательно разглядывали поникших учительниц. Я объяснил сидевшему за столом полицейскому, что ни одна из них не говорит по-итальянски, что они английские туристки, а я – групповод от «Саншайн Турз».

– Если вы располагаете какой-нибудь информацией, относящейся ко вчерашнему убийству, то я вас слушаю. Мы не можем тратить время по пустякам.

Старшая по возрасту англичанка начала говорить, делая паузы между предложениями, чтобы я успевал переводить. В ее несколько бессвязном рассказе я по своему усмотрению делал купюры. Замечание о том, что, по ее мнению, равно как и по мнению ее подруги, просто возмутительно, что в наше время в Риме нет больницы или приюта, куда могла бы обратиться умирающая от голода женщина, едва ли представляло интерес для полиции.

– Вы прикасались к этой женщине? – спросил полицейский.

– Да, – ответила школьная учительница. – Я до нее дотронулась и обратилась к ней. Она что-то пробормотала в ответ. Я и моя подруга чувствовали, что она, должно быть, больна. Мы поспешили в автобус и попросили мистера Фаббио что-нибудь сделать. Он сказал, что это не наше дело и что мы задерживаем автобус.

Полицейский вопросительно посмотрел на меня. Я ответил, что это правда. И что на часах было начало десятого.

– Возвращаясь после экскурсии, вы не заметили, была ли женщина по-прежнему на паперти или нет?

– Боюсь, что не заметили. Автобус ехал по другой дороге, и мы все очень устали.

– И вы больше не возвращались к этой теме?

– Нет. Правда, мы вспомнили о ней, когда раздевались перед сном. Мы говорили, что со стороны мистера Фаббио просто возмутительно, что он не вызвал «скорую помощь» и даже не сообщил в полицию.

Полицейский снова посмотрел в мою сторону. Мне показалось, что в его взгляде мелькнуло сочувствие.

– Пожалуйста, поблагодарите этих дам за то, что они пришли к нам, – сказал он. – Их показания весьма полезны. Для отчетности я должен их побеспокоить и, если они могут это сделать, попросить подтвердить принадлежность одежды убитой женщине.

Этого я не ожидал. Не ожидали и учительницы. Они побледнели.

– Это необходимо? – запинаясь спросила младшая.

– Похоже, что да, – ответил я.

В сопровождении одного из полицейских мы прошли по коридору в небольшое помещение. К нам подошел служитель в белом халате. После немногословного объяснения он зашел в соседнюю комнату и вынес оттуда узел с одеждой и две корзины. Мои англичанки побледнели еще больше.

– Да, – поспешно проговорила старшая и отвернулась. – Да, я уверена, что это те самые вещи. Как все это ужасно…

Служитель, проявляя в своем служебном рвении ненасытность вампира, спросил, не желают ли дамы увидеть тело.

– Нет, – ответил я, – этого от них не требуется. Однако для пользы расследования я могу сделать это за них.

Сопровождавший нас полицейский пожал плечами. Мне решать. Учительницы не догадывались, о чем идет речь. Следом за служителем я вошел в морг. Влекомый каким-то болезненно-волнующим чувством, я, словно завороженный, подошел к столу, на котором лежало тело. Служитель откинул простыню, и я увидел лицо. Оно было благородно в своем мертвенном покое и моложе, чем казалось ночью. Я отвернулся.

– Благодарю вас, – сказал я служителю.

Вернувшись в комнату для собеседования, я сообщил старшему офицеру, что женщины опознали одежду. Он еще раз поблагодарил меня.

– Надеюсь, – сказал я, – что эти дамы больше не понадобятся. Завтра днем мы выезжаем в Неаполь.

Полицейский с серьезным видом занес мои слова в отчет.

– Не думаю, – сказал он, – что нам снова понадобится их присутствие. У нас есть их фамилии и адреса. Желаю вам и им приятного продолжения тура.

Я мог бы поклясться, что, поклонившись учительницам, он подмигнул, но не им, а мне.

– У вас есть какой-нибудь ключ к установлению личности убитой?

Он пожал плечами:

– Вы же знаете, в город приходят сотни таких, как она. При ней не найдено ничего ценного. Убийцей мог быть такой же бродяга. Мотивом – месть. Или вор. Мы его поймаем.

Нас отпустили. Миновав двор, мы подошли к такси. Я помог моим дамам сесть в машину.

– Английская чайная, – сказал я водителю.

Я взглянул на часы. Время было рассчитано правильно. До подхода остальной группы мои учительницы могли спокойно посидеть за чашкой чая. Когда мы прибыли на место, я расплатился с шофером, проводил женщин в Английскую чайную и усадил за столик в углу.

– А теперь, – сказал я, – вы можете расслабиться.

Единственным ответом на мою дежурную улыбку послужили натянутые кивки.

Я вышел из чайной и направился по виа Кондотти в сторону бара. Мне было необходимо выпить. Перед моими глазами стояли заостренные смертью орлиные черты убитой женщины. Убитой из-за того, что я вложил ей в руку десять тысяч лир.

Теперь я был уверен, что не ошибся. Прошлой ночью она узнала меня и назвала Бео, когда я бежал через улицу. Я не видел ее больше двадцати лет, но это была Марта.

Глава 3

Когда полицейские расспрашивали учительниц, я мог бы заговорить. Мне давали такую возможность. Они спросили, была ли женщина на церковной паперти, когда мы возвращались в отель. Момент был самый подходящий. «Да, – мог бы сказать я. – Да, я дошел до конца улицы, и она была там. Я подошел и вложил ей в руку десятитысячную ассигнацию».

Я представил себе удивление, мелькнувшее бы в глазах полицейского: «Десятитысячную ассигнацию?» – «Да». – «Который был час?» – «Вскоре после полуночи». – «Вас видел кто-нибудь из вашей группы?» – «Нет». – «Деньги принадлежали вам или „Саншайн Турз“?» – «Я их только что получил. В знак признательности». – «Вы имеете в виду чаевые?» – «Да». – «От одного из ваших клиентов?» – «Да. Но, если вы его спросите, он откажется».

Здесь полицейский попросил бы дам удалиться, и дальнейший допрос продолжался бы в более жестком тоне. Я не только не мог представить свидетеля, видевшего, как одинокий «варвар» дает мне деньги, но не мог даже привести убедительный в глазах полиции мотив такого подарка. Получалась какая-то бессмыслица.

«Вы говорите, что вспомнили алтарный образ, который напугал вас в детстве?» – «Да». – «И поэтому вложили десять тысяч лир в руку незнакомой женщины?» – «Это произошло очень быстро. У меня не было времени подумать». – «Полагаю, у вас никогда не было ассигнации достоинством в десять тысяч лир. Вы выдумали всю эту историю, так как считаете, что она обеспечит вам алиби». – «Какое еще алиби?» – «Алиби на момент убийства».

Я расплатился за выпивку и вышел на улицу. Начался дождь. Справа и слева от меня, словно грибы, раскрылись зонты. На меня натыкались девушки с забрызганными ногами. Застигнутые врасплох туристы толпились в дверях зданий. Мои учительницы уютно расположились в Английской чайной. Погода нарушила все дневные планы, и мистеру Хайрэму Блуму придется собрать свою группу на Форуме и препроводить ее к Беппо в автобус.

Я поднял воротник пальто, надвинул шляпу на глаза и, петляя по боковым улочкам, направился на виа дель Тритоне, в римскую контору «Саншайн Турз». Было около четырех часов, и, если повезет, я мог застать своего приятеля Джованни за рабочим столом, хоть он и любитель продлить обеденный перерыв. Мне повезло. Джованни оказался на своем рабочем месте в дальнем углу комнаты и, как всегда, разговаривал по телефону. Увидев меня, он в знак приветствия поднял руку и указал на стул. Контора была почти пуста, если не считать нескольких туристов, которые нетерпеливо напирали на барьер в центре комнаты, требуя переноса заказа, замены номера в отеле и так далее.

Джованни положил телефонную трубку, пожал мне руку и улыбнулся.

– Разве ты не в Неаполе? – спросил он. – Хотя нет, что я говорю. Неаполь – завтра, к счастью для тебя и твоей маленькой компании. Рим с каждым днем становится все невыносимее. Удачная поездка?

– Так себе. Но жаловаться не приходится. «Варвары» и «говяжьи туши». Народ довольно славный.

– Хорошенькие девушки?

– Давление не поднимут. Кроме того, где взять время? Поработай, как я, групповодом.

Он рассмеялся и покачал головой:

– Так чем я могу быть тебе полезен?

– Джованни… Мне нужна твоя помощь. У меня неприятности.

На его лице появилось сочувственное выражение.

– Я хочу, чтобы ты нашел мне замену для поездки в Неаполь.

– Абсолютно невозможно! – взорвался Джованни. – Здесь у меня никого нет. К тому же центральная контора…

– Центральной конторе знать необязательно. Во всяком случае, не сразу. Джованни, ты уверен, что никого нельзя раскопать? А если бы у меня случился аппендицит?…

– У тебя аппендицит?!

– Нет, но, если это поможет, я могу его придумать.

– Не поможет. Говорю тебе, Армино, я ничего не могу сделать. У нас нет замены, никто в конторе не слоняется без дела только потому, что тебе понадобился отпуск.

– Джованни, послушай. Отпуск мне не нужен. Я хочу, чтобы ты поставил меня на северное направление. Разумеется, временно.

– Ты имеешь в виду Милан?

– Нет… Подойдет любой тур в сторону Адриатики.

– Для Адриатики слишком рано, и тебе это известно. Раньше мая на Адриатику никто не ездит.

– Ну, тогда не обязательно автобус, сойдет индивидуальный клиент, желающий посетить Равенну, Венецию.

– Для Венеции тоже слишком рано.

– Для Венеции никогда не рано. Джованни, прошу тебя.

Он стал рыться в бумагах, которые лежали перед ним на столе.

– Ничего не обещаю. Может, завтра что-нибудь и подвернется, но времени почти не осталось. Завтра в два часа дня ты уезжаешь в Неаполь, и если мне не удастся сделать двойной ход, ничего не выйдет.

– Знаю-знаю, но постарайся.

– Наверняка женщина?

– Конечно женщина.

– А подождать она не может?

– Скажем так – я не могу ждать.

Он вздохнул и снял телефонную трубку.

– Если будут новости, я сообщу в «Сплендидо», чтобы ты мне позвонил. Чего не сделаешь для друзей…

Я вышел от Джованни и направился в Английскую чайную. Дождь перестал, и запоздалое солнце изливало лучи на головы прохожих. Если Джованни не найдет мне замену, все равно придется что-то предпринять. Я сделал шаг. Но куда? Этого я не знал. К умиротворению усопшей или к собственной совести? Все же я мог ошибиться и убитая женщина – не Марта. Если это так, то, хоть я и считал себя невольным соучастником убийства из-за того, что вложил ей в руку десять тысяч лир, я неповинен в другом, более тяжком грехе. Если же это Марта, то нет, повинен. Возглас «Бео!» делал и меня убийцей, таким же убийцей, как сам преступник – вор, пустивший в дело нож.

Придя на пьяцца ди Спанья, я увидел, что мое стадо уже покончило с чаем и садится в автобус. Я подошел к ним. По возбужденным лицам учительниц я понял, что они уже успели рассказать всю историю. Они переживали свой краткий звездный час.

В тот вечер Джованни не дал о себе знать, и после обеда – точной копии предыдущего, правда, на сей раз с речами – мы отправились на прогулочном автобусе на другой берег Тибра, где мое небольшое стадо примерно около часа имело возможность наблюдать жизнь кафе, в которой, дабы доставить себе удовольствие, они были склонны усматривать яркий местный колорит.

– Это подлинный Рим, – вздохнула миссис Хайрэм Блум, сидя на боковой улочке за столиком, вынесенным из таверны, которую, к ее наивному удовольствию, освещали искусственные факелы.

Вдруг, словно по волшебству, появились шесть музыкантов в коротких штанах, чулках, неаполитанских шляпах, с лентами на гитарах, и моя маленькая компания принялась раскачиваться в такт ритмичному аккомпанементу струн. Было что-то трогательное в их наивной радости. При мысли, что завтра они отправятся в Неаполь без меня, мне стало немного грустно. И у пастыря бывают минуты слабости…

Когда мы вернулись в отель, от Джованни по-прежнему не было никаких вестей. Тем не менее я сразу заснул и спал, благодарение Богу, без сновидений.

Джованни позвонил в самом начале десятого.

– Армино, – торопливо заговорил он, – послушай, кажется, я всё устроил. Двое немцев на «фольксвагене» едут на север. Им нужен переводчик. Ты ведь говоришь по-немецки?

– Говорю.

– Тогда хватайся за это. Герр Туртман и его фрау. Страшны, как смертный грех, оба цепляются за карты и путеводители. Им все равно, куда ехать, лишь бы на север. Помешаны на осмотре достопримечательностей.

– А как насчет моей замены?

– Все улажено. Ты знаешь моего шурина?

– У тебя их несколько.

– Тот, который работает в «Американ Экспресс». Он знает ответы на все вопросы и просто рвется в Неаполь. Парень что надо. Мы можем на него положиться.

На какое-то мгновение меня охватили сомнения. Что, если шурин Джованни испортит поездку? Умеет ли он ладить с людьми? Но даже если все будет в порядке, не потеряю ли я работу, когда в Генуе узнают о подмене?

– Постой, Джованни, ты уверен?

– Послушай, либо бери, либо отказывайся. – В голосе Джованни звучало нетерпение. – Я ведь оказываю тебе услугу, не так ли? По-другому не выйдет, да я и не стану больше этим заниматься. Шурин уже собрался, сейчас он будет у тебя, так что сам ему всё и объяснишь. А мне еще надо дать знать герру Туртману. Он хочет выехать в половине одиннадцатого.

У меня оставалось около полутора часов на то, чтобы передать дела, добраться до конторы и встретить новых клиентов. Положение не из легких.

– Договорились, – сказал я и положил трубку.

Я допил вторую чашку кофе и бросил то немногое, что было со мной, в саквояж. В девять двадцать шурин Джованни постучал в дверь. Я сразу его вспомнил. Энергичный, бойкий, острый на язык… но я усомнился в том, что он прихватил с собой таблетки от несварения желудка для подверженных этому недугу англосаксов, равно как и в том, что он проявит хоть какой-то интерес к внуку Блумов. Впрочем, неважно.

Групповод не может быть кладезем всех достоинств. Мы уселись рядом на мою измятую постель, и я показал ему все маршруты тура плюс список туристов, к которому добавил краткое, но точное описание, у кого какая идиосинкразия.

Мы вместе вышли из номера, и я отправил его к портье, где ему предстояло заявить о своем статусе. Я пожал ему руку и пожелал удачного путешествия. Выходя через вращающиеся двери отеля на улицу, я чувствовал себя нянькой, бросающей своих питомцев. Совершенно особое ощущение, ведь мне еще никогда не доводилось бросать тур, как крыса бросает тонущий корабль.

Такси высадило меня на виа дель Тритоне, и не успел я войти в контору, как увидел Джованни. Сама улыбчивость, сама любезность, он разговаривал с теми, в ком я сразу распознал своих будущих клиентов. В их национальной принадлежности было невозможно ошибиться. Оба средних лет. Он – крупный, широкоплечий, с жесткими, как платяная щетка, волосами и в очках в золотой оправе. Она – с болезненным цветом лица и с волосами, взбитыми под шляпой, которая ей явно мала. По какой-то непонятной причине на ней были

надеты белые носки, вступавшие в резкий контраст с темным пальто. Я подошел. Мы обменялись рукопожатием.

– Моя жена и я – страстные кинолюбители, – объявил герр Туртман, как только Джованни представил нас друг другу. – Мы любим снимать из машины во время движения. Насколько я понимаю, вы водите машину.

– Разумеется, если вы этого пожелаете, – сказал я.

– Превосходно. В таком случае мы можем сейчас же выехать.

Джованни, расплывшись в улыбке, простился с ними обоими. Затем подмигнул мне.

– Желаю приятного путешествия, – сказал он.

Мы взяли такси до того места, где стоял их «фольксваген». На крыше машины высилась груда багажа. Половину переднего сиденья тоже занимал багаж. Немцы никогда не путешествуют налегке и по дороге всегда увеличивают свое имущество.

– Вы поведете машину, – распорядился герр Туртман, – моя жена и я хотим поснимать при выезде из Рима. Выбор пути предоставляю вам, но мы бы хотели проехать через Сполето. В моем путеводителе местная соборная площадь отмечена двумя звездочками.

Я сел на место водителя, герр Туртман рядом со мной, его жена устроилась на заднем сиденье. Когда мы проезжали по мосту через Тибр, они приставили кинокамеры к глазам и водили ими из стороны в сторону, как пулеметчики на стрельбах.

Когда стрельба прерывалась – что все-таки время от времени происходило, – они обильно подкреплялись содержимым бумажных пакетов и пили кофе из термоса весьма солидных размеров. Разговаривали они мало, и продолжительное молчание вполне устраивало меня. Обгон грузовиков требовал всего моего внимания, а чтобы добраться до пункта, который я имел в виду, нам предстояло покрыть расстояние в двести пятьдесят километров.

– А сегодня ночью? – неожиданно спросил герр Туртман. – Где мы будем спать сегодня ночью?

– Мы будем спать в Руффано, – ответил я.

Он зашелестел страницами путеводителя, который держал на коленях.

– Там есть несколько памятников, отмеченных тремя звездочками, – сказал он через плечо жене. – Мы можем все их снять. Руффано нам вполне подойдет.

Было нечто закономерное и вместе с тем ироничное в том, что я покинул город, в котором родился и провел одиннадцать лет своего детства в компании одного немца, и по прошествии двадцати лет возвращаюсь в него в обществе другого. Сейчас, в марте, за окнами машины разворачивалась холмистая местность, подернутая розовато-серой дымкой, голая и бесприютная, под небом, готовым просыпаться снегом, как во Флоренции; тогда, в слепящем, знойном июле 1944 года, дороги к северу от Руффано были серыми от пыли. Военные грузовики и подводы уступали дорогу «мерседесу» коменданта, на капоте которого развевался флажок. Время от времени знавшие, кто едет в машине, вытягивались на обочине в струнку и отдавали честь, но комендант редко обращал на них внимание. И когда ему было лень, я вместо него отвечал на приветствия. Это помогало мне скоротать время в дороге, помогало забыть про тошноту и избавляло от необходимости смотреть, как моя потаскуха-мать кормит виноградом своего завоевателя. Ее глупое хихиканье вперемежку с его басистым смехом оскорбляли мое представление о достоинстве взрослого человека.

– В путеводителе сказано, что в герцогском дворце Руффано есть замечательная картина «Искушение Христа», которая до недавнего времени считалась кощунственной. Я всегда думал, что во время войны наши люди нашли ей более безопасное убежище.

Я не стал им рассказывать, что сам видел, как мой отец, хранитель дворца, и его помощники с большой осторожностью упаковали ее вместе с несколькими другими картинами и спрятали в подвалах дворца, опасаясь именно такой возможности.

В Сполето мои клиенты на скорую руку перекусили и быстро отсняли площадь и фасад собора, после чего мы двинулись дальше через Фолиньо. Наша дорога вилась между холмами, а едва видимые вдали покрытые снегом горные вершины предупреждали, что мой родной город, расположенный на высоте пятисот метров, до сих пор покоится в объятиях зимы. Посыпались первые снежные хлопья: точнее, это мы ворвались в них с юга, а здесь снег, скорее всего, шел весь день. Небо стало похожим на погребальный покров. В ущелье под нами ревела вздувшаяся от стекающих в нее горных потоков река.

Время близилось к семи, когда перед нашими глазами открылся дорогой моему сердцу вид. Едущему из Рима город предстает внезапно; увенчивая две горы, он господствует над раскинувшейся внизу долиной. Я не помнил, чтобы когда-нибудь видел его в снегу. Это было величественное зрелище. И зловещее – город словно предупреждал отважного путешественника: входи себе на беду. Как мало здесь изменилось, боже мой, как мало!..

Несмотря на кружащийся снег, герр Туртман и его жена поднесли кинокамеры к открытым окнам, что давало лучший обзор и потрафляло моему самолюбию. Я объехал долину под самыми городскими стенами, чтобы проникнуть внутрь через западные ворота, порта дель Сангве – Ворота крови.

– И правильно, – говаривал мой отец, – ведь именно через эти ворота Клаудио, наш первый герцог, вел своих пленников на смерть.

Снег окаймлял идущую вверх дорогу, толстым слоем лежал на крышах, легким покрывалом окутал деревья и, венчая белыми коронами смотровые площадки двух дворцовых башен, собор и кампанилу, превратил мой город в легенду, в сновидение. Я не ожидал увидеть такую красоту.

По виа деи Мартири я проехал к центру и притормозил на пьяцца делла Вита. Здесь тоже ничего не изменилось, только снег погрузил город в немоту, рассеяв по домам его жителей. Площадь окружали здания красноватого и желто-коричневого цвета, и от нее в разные стороны расходились пять улиц. Слепые, закрытые ставнями окна над колоннадой невидящим взглядом смотрели на мощеную мостовую. Магазины были закрыты. Я увидел их такими, какими запомнил. Книжная лавка, аптека. Подавляющий своими размерами «Отель деи Дучи», куда меня в детстве по воскресеньям приводили на второй завтрак. Потом, когда здесь разместилась штаб-квартира коменданта, вход закрыли. Тогда перед дверью стояли охранники – либо по стойке «смирно», либо переминаясь с ноги на ногу. К тому месту, где я припарковал «фольксваген» герра Туртмана, в то время подъезжали машины штабистов, мотоциклы курьеров. Волны сдерживаемой более двадцати лет памяти снесли преграду и захлестнули меня.

Я распахнул дверь отеля и огляделся. Едва ли я отдавал себе отчет в том, что ищу: приемную коменданта, машинисток, стучащих по клавишам, или холл и стулья с жесткими спинками, сидя на которых мой отец и его друзья после мессы пили чинзано. Думаю, последнее. И оно встретило меня, но более современное; я увидел некое подобие бара для туристов – стенды с открытками, журналы на столах, телевизор в дальнем углу.

Я позвонил, и тревожный звук нарушил гнетущую тишину. В давние времена хозяин синьор Лонги и его жена Роза всегда были на месте и приветствовали моего отца. Синьор Лонги был добродушным человеком с живыми глазами, и, если мне не изменяет память, ходил он слегка прихрамывая из-за ранения, которое еще юношей получил во время Первой мировой войны. Его жена Роза была веселой рыжеволосой толстушкой. Она всегда болтала с моей матерью о всяких пустяках, а в ее отсутствие не упускала случая пококетничать с моим несколько высокомерным отцом.

Сейчас в ответ на мой призыв появилась невысокого роста горничная. Явно волнуясь, она сказала, что, как ей кажется, комнаты мы можем получить, но сперва надо спросить хозяйку. Сверху донесся громкий голос, и вскоре в холл спустилась сама хозяйка; от избытка

веса шла она медленно и опиралась на палку. Глаза, едва заметные над оплывшими щеками, всматривались в мое лицо; рыжеватые волосы были неровно выкрашены дешевой краской. Я с ужасом узнал в ней постаревшую синьору Лонги.

– Вам нужны комнаты на ночь? – спросила она, глядя на меня с полнейшим безразличием.

Я объяснил, что да и какие именно, затем повернулся и вышел в снег за своими клиентами и их багажом. Взволнованная горничная, видимо она же и носильщик, последовала за мной. Сезон, конечно, еще не начался, и все же… Как бы то ни было, прием не слишком радушный. Туртманы невозмутимо вписали свои фамилии в книгу постояльцев и под тяжелым взглядом зевающей хозяйки поднялись наверх. Маленький мальчик, которого она когда-то угощала конфетами, был давно забыт.

Я проверил, как Туртманы устроились в комнате на третьем этаже, потом разыскал дорогу к своей комнатушке с окнами на площадь. Я открыл окно и, несмотря на снег, некоторое время стоял, вдыхая резкий, холодный воздух.

Я испытывал те же ощущения, какие испытал бы призрак умершего, вернувшийся в родные места. Безучастные ко всему здания были погружены в сон. Неожиданно на кампаниле рядом с собором ударил колокол. Его низкое звучание в иных тональностях подхватили колокола других церквей. Сан-Чиприано, Сан-Микеле, Сан-Мартино, Санта-Агата… я все их знал, все различал по тону. Последней звучала тонкая высокая нота Сан-Донато с холма над герцогским дворцом. Именно в эту минуту, преклонив колена вместе с Мартой, я начинал читать свои детские молитвы. Я закрыл окно и ставни и спустился в столовую.

Глава 4

Герр Туртман и его жена уже ели. Они не сделали мне знака присоединиться к ним, и я, в душе поблагодарив их за это, сел за столик около ширмы, скрывавшей вход на кухню. Горничная, менее взволнованная, чем ее напарница, исполняла обязанности официантки. Время от времени она получала указания от хозяйки, которая изредка собственной персоной появлялась из-за ширмы, чтобы окинуть нас взглядом, отдать какое-нибудь распоряжение и снова удалиться. Каждый проглоченный кусок, каждый глоток терпкого местного вина красно-лилового цвета, налитого в мой графин, пробуждал во мне ностальгические воспоминания.

За столом в центре комнаты, по давнему обычаю накрытым на двенадцать персон, Альдо праздновал свое пятнадцатилетие. Красивый, как юный бог, он поднял бокал за наших родителей и поблагодарил их за честь, которую они ему оказали. Сидящие за столом гости аплодировали ему, а я, его родной брат, смотрел на него во все глаза. Мой отец, которому было суждено умереть от воспаления легких в лагере у союзников, предложил тост за своего первенца. Моя мать, ослепительная в своем зеленом платье, оправила материнские перышки и послала мужу и сыну воздушный поцелуй. Комендант еще не маячил на ее горизонте.

В тот момент, когда я выливал из графина остатки вина, словно в ответ на мои мысли, из-за ширмы, прихрамывая, вышел седой старик с иллюстрированными журналами в руках и направился к столику Туртманов. Он показал им редакционную статью о Руффано и свою собственную фотографию – фотографию владельца отеля синьора Лонги. Оставив приложение к журналу Туртманам, он вернулся в мой угол.

– Добрый вечер, синьор, – сказал он. – Надеюсь, вы всем довольны?

У него тряслась левая рука, и, стараясь скрыть это, он держал ее за спиной. Энергичного, ясноглазого синьора Лонги больше не существовало. Я поблагодарил его за беспокойство, он поклонился и исчез за ширмой. По глазам старика было видно, что он не узнал меня. Иного я ожидать и не мог. Почему кто-то должен связывать заурядного групповода сегодняшнего дня с младшим сыном синьора Донато тех давних лет – с Беато, которого взрослые любили трепать по голове? Все мы забыты. Все ушли в небытие…

Обед закончен, Туртманы препровождены в их комнату. Я взял пальто, открыл парадную дверь «Отеля деи Дучи» и вышел на площадь. Белая, неподвижная тишина поглотила меня. На снегу были видны отпечатки ног, чьи-то следы, сперва четкие, твердые, вскоре замело, и они пропали. Под мое легкое пальто задувал колючий ветер. Последняя схватка весны с зимой меня, как и всякого туриста, застигла врасплох.

Я посмотрел направо, налево: за двадцать с лишним лет я забыл, как делится главная улица по двум сторонам площади. Казалось, ее части расходятся перпендикулярно от общей вершины. Я решил пойти налево, мимо громады Сан-Чиприано. смутно вырисовывавшейся за пеленой снега, и сразу понял, что ошибся; широкая дорога круто поднималась к вершине северо-западного холма, где стоит статуя герцога Карло, младшего брата безумного Клаудио. Божественного Карло, который правил здесь сорок лет. Он пользовался всеобщей любовью и уважением, перестроил дворец и город, сделал Руффано знаменитым.

Я вернулся на площадь и пошел по узкой, извилистой улице к тому месту, где она вливается в пьяцца Маджоре, на которой во всем своем великолепии высился герцогский дворец моего детства, моих грез – с красными, посеребренными падающим снегом стенами.

Глупо, но на глазах у меня появились слезы – групповод, словно обычный турист, растрогался при виде почтовой открытки, – и будто во сне я сделал несколько шагов вперед и дотронулся до знакомой стены. Здесь – дверь в четырехугольный двор, которой пользовался наш отец, главный хранитель, и мы, Альдо и я, но не многочисленные туристы. Там – лест-

ница, по которой я любил прыгать, а там, дальше, фасад собора, перестроенный в восемнадцатом веке. С губ бронзовых херувимов, окаймлявших фонтан на площади, искрящимся хрусталем свисали сосульки. Я часто пил из этого фонтана, воодушевленный рассказами Альдо про то, что в его прозрачной воде заключена высшая чистота и многие тайны; но если тайны и были, я их так и не узнал. Я поднял голову и прямо над входной дверью увидел герб герцогов Мальбранче – парящего бронзового сокола с распластанными крыльями и головой, покрытой шапкой снега. Я отошел от дворца, поднялся вверх по холму мимо университета и свернул налево по виа деи Соньи (улице Грез). Вокруг ни движения, ни шороха, хоть бы кот прошмыгнул. На снегу были видны только мои следы, и когда я подошел к высокой стене, окружавшей дом моего отца с единственным деревом в маленьком дворике, резкий порыв холодного ветра взметнул передо мной струйки похожего на белый пух снега.

И вновь меня охватило странное чувство, будто я – призрак, возвратившийся в родные места. Нет, даже не призрак, а бесплотный дух далекого прошлого, и там, в погруженном во тьму доме, спят Альдо и я сам. У нас с Альдо была общая комната, пока ему не отвели собственную. Ни полоски света не пробивалось из-за плотно закрытых ставней. Интересно, подумал я, кто здесь теперь живет, если дом вообще обитаем. Как бы то ни было, но дом и стена сада, такая высокая в моих детских воспоминаниях, показались мне заброшенными и обветшалыми.

Осторожно, словно вороватый кот, я отошел от дома, миновал церковь Сан-Мартино и, чтобы немного сократить путь, спустился по лестнице Сан-Мартино и оказался на пьяцца делла Вита. Насколько помню, мне не встретилось ни души.

Я вошел в отель, поднялся в свою комнату, разделся и лег в постель. Сотни образов мелькали у меня в голове; они скрещивались, переплетались, как дороги, вливающиеся в автостраду. Иные я помнил, иные проносились смутным видением. Прошлое смешивалось с настоящим, лицо отца сливалось с лицом Альдо, даже разная военная форма смешалась в одну. Форма с крылышками военного летчика, которая так красила Альдо в его девятнадцать лет, превратилась в форму любовников моей матери – немецкого коменданта и американского бригадного генерала, с которым мы прожили два года во Франкфурте. Даже такой случайный знакомец, как лакей из «Сплендидо», которого я мельком видел раз десять и о котором никогда не думал, принял облик управляющего одного из туринских банков, за которого моя мать в конце концов вышла замуж, – моего отчима Энрико Фаббио, давшего мне имя и образование. Слишком много лиц, слишком много случайных встреч, слишком много номеров отелей, меблированных комнат; и ничего, что я мог бы назвать домом, где обрел бы покой и уют. Жизнь – непрерывное путешествие без начала и конца, полет без цели…

Разбудил меня резкий звонок в коридоре. Я включил свет и увидел, что уже десять часов утра. Я распахнул окно. Снегопад прекратился, и сияло солнце. Внизу, на пьяцца делла Вита, люди торопились по делам. Магазины открылись, и служители разметали снег перед входом.

Давно мною забытая, привычная утренняя жизнь Руффано вступила в свои права. До меня донесся острый, чистый запах площади, запах, который я хорошо помнил. Какая-то женщина вытряхивала из окна коврик. Под моим окном о чем-то спорили несколько мужчин. Собака, задрав хвост, погналась за кошкой и едва не угодила под машину. Транспорта стало больше, чем в прежние времена, или просто во время войны разъезжали только военные машины? Я не помнил, чтобы во времена моего детства где-то поблизости стоял уличный регулировщик, теперь же один из них вытянутой рукой указывал машинам путь через площадь к виа Россини и герцогскому дворцу. Повсюду было много молодежи, юноши и девушки пешком и на велосипедах двигались в южную сторону и дальше вверх по холму. И меня вдруг осенило: ведь небольшой в дни моего детства университет, наверное, значительно разросся, и герцогский дворец, былая гордость Руффано, уже не царит над городом.

Я отошел от окна, оделся и, не желая беспокоить застенчивую горничную, спустился выпить кофе в столовую. Синьор Лонги сам принес мне поднос и дрожащими руками поставил кофе на столик.

– Прошу прощения, синьор, – сказал старик. – У нас не хватает прислуги, да и на кухне идет ремонт перед новым сезоном.

Проснувшись, я уже обратил внимание на шум, стук молотков, крики рабочих, на запах краски и извести.

– Вы давно держите этот отель? – спросил я его.

– О да, – ответил он со своей всегдашней готовностью поговорить, которую я так хорошо помнил с детства. – Больше тридцати лет с перерывом на время оккупации. Тогда военные устроили здесь свой штаб. Мы с женой уехали в Анкону. В «Отеле деи Дучи» останавливались многие известные люди, писатели, политики. Могу вам показать…

Прихрамывая, он направился к книжному шкафу в дальнем углу, открыл его, вынул книгу посетителей и, неся ее осторожно, словно новорожденного младенца, вернулся к моему столику. Книга сама собой открылась на нужной странице.

– Английский министр Стенли Болдуин как-то почтил нас своим присутствием, – сказал синьор Лонги, указывая на подпись. – Он остановился всего на одну ночь и очень жалел, что не может задержаться подольше. Американская кинозвезда Гарри Купер, вот там, на следующей странице. Он собирался снимать здесь фильм, но почему-то ничего не вышло.

Он с гордостью переворачивал страницы книги, чтобы я мог как следует их рассмотреть: 1936, 1937, 1939, 1940 – годы моего детства. Меня так и подмывало спросить: «А синьор Донати, главный хранитель дворца? Вы помните его и его жену? Помните Альдо, когда ему было шестнадцать? Помните Бео, маленького Беато, такого маленького, что в семь лет ему давали только четыре? Так вот же он. По-прежнему маленький, по-прежнему неприметный».

Но я сдержался и продолжал пить кофе. Синьор Лонги терпеливо переворачивал страницы книги с именами своих постояльцев, причем я заметил, что он пропустил годы позора; так он дошел до пятидесятых, шестидесятых годов, но министров и кинозвезд уже сменили туристы: англичане, американцы, немцы, шведы, обычные посетители, которые приезжали и уезжали, как те, кого брала под свое крыло «Саншайн Турз».

Резкий, скрипучий голос позвал синьора Лонги из-за ширмы, и он послушно захромал на зов своей супруги. Украдкой поглядывая на ширму, я нашел в книге 1944 год, и вот она – размашистая, с витиеватым росчерком, подпись коменданта в месяцы, когда он превратил отель в свою штаб-квартиру. Следующая страница была пуста. Супруги Лонги отправились в Анкону… Я поспешно закрыл книгу и отнес ее в книжный шкаф. Самое подходящее место для сувениров. Комендант с его высокомерной повадкой и раскатистым голосом, слишком быстро переходившим в хрип… пусть он лучше остается в запертом шкафу. Если бы не он, не его символическое присутствие – побежденный победитель, предмет гордости моей матери, мы с ней (ведь отец умер в концентрационном лагере, Альдо сгорел в подбитом самолете) уехали бы в Анкону вместе с Лонги. Ходили и такие разговоры. А потом? Да что там размышлять. На побережье она подцепила бы другого любовника и укатила бы с ним, таща за собой своего «Беато».

– Вы готовы?

Я обернулся. В дверях стояли герр Туртман и его жена во всеоружии теплых пальто, обуви и целого арсенала киноаппаратуры.

– Я к вашим услугам, герр Туртман.

Они намеревались осмотреть герцогский дворец и затем продолжить путь на север. Я помог им погрузить багаж, после чего герр Туртман дал мне деньги на оплату счета. Синьора Лонги пересчитала их, протянула мне сдачу и зевнула. Если бы моя мать не умерла в 1956

году от рака матки, она бы выглядела сейчас как Роза Лонги. Она тоже располнела. Тоже красила волосы. И то ли из разочарования, то ли из-за болезни постоянно отчитывала моего отчима Энрико Фаббио таким же скрипучим голосом, каким Роза Лонги отчитывала своего мужа.

– У вас большая конкуренция в Руффано? – спросил я, складывая счет герра Туртмана.

– Отель «Панорама», – пожимая плечами, ответила синьора Лонги. – Три года как построен. Все самое современное. На другом холме, рядом с пьяцца дель Дука Карло. Где уж нам поддерживать эту развалину! Муж стар. Я устала. Нам не справиться.

Произнеся эту эпитафию, она тяжело опустилась на стул за прилавком. Я вышел и присоединился к Туртманам, которые уже сидели в машине. Еще один кусочек детства списан со счетов. Мы пересекли пьяцца делла Вита и поехали по узкой виа Россини, чтобы поставить машину за герцогским дворцом. Утро развеяло призрачный мир минувшей ночи и вернуло меня к реальности. Между пунктом нашего назначения и собором стояло несколько машин; по улице шли пешеходы, мимо нас в сторону университета проносились мотороллеры.

Из конторки при входе высунулся служитель в форме.

– Желаете гида? – спросил он.

Я покачал головой:

– Я здесь как дома.

Наши шаги гулко застучали по каменному полу. Я вел моих подопечных по четырехугольному двору – вновь призрак, вновь странник во времени. Здесь я когда-то громко кричал, и раскаты моего голоса неслись под сводами колоннады:

– Альдо! Альдо, подожди меня!

И в ответ мне неслось:

– Иди за мной…

Теперь же я шел вверх по каменной лестнице к верхней галерее, и в каждой нише, под каждым сводом раскинул крылья сокол Мальбранче с буквами «К. М.» – инициалами двух герцогов, Клаудио и Карло. Чета Туртманов, тяжело дыша, следовала за мной. В галерее мы ненадолго задержались, чтобы отдышаться. Там по-прежнему стояла скамья, та самая скамья, на которой с вязаньем в руках сидела Марта, пока я носился взад-вперед по галерее или, если Альдо особенно настойчиво меня подначивал, набравшись храбрости, совершал полный круг, изредка останавливаясь, чтобы через высокие окна посмотреть на раскинувшийся внизу двор.

– Ну? – спросил герр Туртман, пристально глядя на меня.

Я отвел взгляд от галереи, от пустой скамьи и повернул налево, в тронный зал. О господи… этот затхлый, тяжелый запах, вобравший в себя воспоминания о минувших веках, старинных распрях, о давно умерших герцогах и герцогинях, придворных, пажах… Запах сводчатых потолков, желто-коричневых стен, пыльных гобеленов.

Я вошел в знакомую комнату, и мертвые окружили меня. Не только призраки истории, к которым я привык с детства: безумный герцог Клаудио и его брат, возлюбленный Карло, милостивая герцогиня с дамами своей свиты, – но и мои собственные мертвые. Отец, показывающий дворец историкам, приехавшим из Рима или Флоренции, Марта, шикающая на меня за то, что я говорю слишком громко и мешаю знаменитым гостям. И Альдо, прежде всего Альдо. На цыпочках, с пальцем, приложенным к губам.

– Он ждет!

– Кто?

– Сокол… Ждет, чтобы схватить тебя в когти и унести с собой.

У меня за спиной послышались голоса. Группа молодых людей, конечно студентов, в сопровождении женщины-лектора ввалилась в тронный зал, сразу заполнив его шумом и гамом. Даже Туртманы немного забеспокоились. Кивком головы я предложил им перейти

в приемную. Одетый в форму гид, почуяв возможность щедрого вознаграждения, сдержал зевоту и подошел к моим клиентам. Он кое-как говорил по-английски и принял моих немцев за «варваров».

– Заметьте, – сказал он, глядя на потолок, – потолок очень отличный. Реставрирован Толмео.

Я оставил Туртманов на него и осторожно выскользнул из комнаты. Не задерживаясь в апартаментах герцогини, я направился к Комнате херувимов и спальне герцога. Посетителей там не было. В дальнем углу на подоконнике дремал служитель.

Здесь мало что изменилось. Дворцы, в отличие от людей, выдерживают натиск времени. Только картины сменили места; их извлекли из подвалов, где они обрели пристанище на годы войны, и развесили, в чем я нехотя признался себе, более удачно, чем при моем отце. Развесили более правильно – там, где на них играет свет. «Мадонна с младенцем», любимая картина моей матери, уже не висела на стене, а стояла на мольберте, одинокая в своем безмятежном великолепии. Унылые мраморные бюсты, которые когда-то тянулись вдоль стен, исчезли. Теперь ничто не отвлекало внимания от «Мадонны». Служитель открыл глаза. Я подошел к нему.

– Кто здесь главный хранитель? – спросил я.

– У нас нет главного хранителя, – ответил он. – Дворец находится в ведении художественного совета Руффано, то есть – герцогские покои, картины, гобелены и верхние помещения. Библиотекой, что на первом этаже, пользуются сотрудники и студенты университета.

– Благодарю вас, – сказал я.

Я отошел, прежде чем он успел обратить мое внимание на танцующих херувимов, которые украшали камин. Было время, когда я каждого из них знал по имени. Я вошел в герцогскую спальню, инстинктивно ища глазами «Искушение Христа», про которое герр Туртман говорил своей фрау. Картина по-прежнему висела на стене. Никакой художественный совет не смог бы установить ее на мольберт.

Несчастный Христос, или несчастный Клаудио, каковым с откровенной прямотой изобразил его художник… В рубашке шафранового цвета стоял он, опершись рукой о бедро и устремив взор в никуда – разве что на крыши своего воображаемого мира, который мог бы принадлежать ему, если бы он поддался на искушение. Дьявол в обличье друга и советчика нашептывал ему свои речи. Розовеющее за его спиной небо предвещало ликующий рассвет. Руффано спал, готовый встрепенуться, восстать ото сна и исполнить его приказания.

«Все это дам Тебе, если падши поклонишься мне».

Я совсем забыл, что глаза Христа были мертвенно-бледны, как и его золотистые волосы, и что пряди, обрамлявшие лицо, походили на тернии.

У меня за спиной послышались голоса. Туртманы и их лишенный дара убеждения гид, студенты и женщина-лектор настигли меня. Я незаметно вышел в приемную, так как понимал, что преследующие меня болтуны не только застрянут перед картиной, от которой я отошел, но и пройдут направо – осмотреть кабинет герцога и часовню. Сунув в руку гида несколько сотен лир, Туртманы, возможно, даже получат разрешение осмотреть винтовую лестницу, ведущую в башню.

Потайной ход из приемной вел во вторую башню. К ней поднималась такая же винтовая лестница, но во времена моего отца она считалась очень ненадежной.

Туристов, которые не боялись растянуть мышцы и не страшились головокружения, проводили в правую башню через гардеробную герцога.

Я подошел к стене и приподнял край гобелена, скрывавшего дверь. Вход был на месте, и из замка торчал ключ. Я повернул его, и дверь отворилась. Передо мной была лестница, которая, кружась, поднималась к башне, подо мной спуск – более трехсот сбегавших в пропасть ступеней. Кто и когда в последний раз поднимался по этой лестнице, подумал я.

Испещренная дохлыми мухами паутина затягивала маленькое окно в свинцовом переплете. Давний страх и еще более давнее очарование охватили меня. Готовясь к подъему, я положил ладонь на холодную каменную ступеньку.

– Кто там? По этой лестнице нельзя подниматься!

Я оглянулся через плечо. Служитель, которого я оставил спящим в Комнате херувимов, пристально смотрел на меня, подозрительно прищурив глазки-бусинки.

– Что вы здесь делаете? Как вы сюда попали? – спросил он.

Мне стало неловко, я чувствовал себя так же, как когда-то в детстве. За такие проступки отец отправлял меня спать без ужина, и, если Марте не удавалось украдкой что-нибудь принести в спальню, приходилось засыпать на голодный желудок.

– Извините, – сказал я. – Я случайно заглянул за гобелен и увидел дверь.

Он пропустил меня обратно в комнату. Затем закрыл дверь, повернул ключ в замке и поправил гобелен. Я дал ему пятьсот лир. Смягчившись, он показал на соседнюю комнату:

– Папская комната. За стеной бюсты двадцати пап. Все очень интересные.

Я поблагодарил его и вышел, бросая беглые взгляды на керамику и каменные барельефы. В этих комнатах было четкое эхо, и в них хорошо было прятаться. Я спустился по парадной лестнице, прошел через двор, затем по коридору и вышел на улицу. Закурил сигарету, прислонился к колонне собора и стал ждать своих клиентов. Ко мне подошел продавец почтовых открыток со своим товаром, я отмахнулся от него.

– Когда начнется вторжение? – спросил я.

– Если погода наладится, то со дня на день, – ответил он. – Муниципалитет делает все, чтобы внести Руффано в туристические маршруты, но мы плохо расположены. Те, кто едет на побережье, предпочитают прямой путь. С этим товаром приходится рассчитывать только на студентов.

Он перебрал несколько почтовых открыток и маленьких велосипедных флажков с гербом Мальбранче-Сокола.

– И много их?

– Студентов? Говорят, больше пяти тысяч. Многие приезжают только на занятия, в городе не хватает квартир. И всё за последние три года. Пожилые люди ворчат: место, мол, портят, от студентов много шума и все такое. Так они же молодые, как иначе? И для торговли неплохо.

Значит, прием в университет удвоился, возможно, даже утроился. Как мне помнилось, раньше студенты не доставляли такого беспокойства. В детстве я думал, что все они учатся, чтобы стать учителями.

Мой осведомитель неторопливо пошел дальше. Куря в ожидании Туртманов, я впервые за многие месяцы, даже годы, вдруг почувствовал, что мне некуда спешить. Я работал без расписания, на площади меня не ждал автобус от «Саншайн Турз».

Под жарким солнцем снег быстро таял. Вокруг фонтана наперегонки бегали дети. К двери булочной напротив подошла старуха с вязаньем в руках. Во дворец вошли еще несколько групп студентов.

Я поднял глаза на сокола, распростершего крылья над парадной дверью дворца. Прошлой ночью под покровом снега он, казалось, таил угрозу и предупреждение для всех нарушителей его спокойствия. Он и утром оставался хранителем дворцовых стен, но теперь в разлете его крыльев читалась гордая свобода.

Колокол на кампаниле собора глухо пробил одиннадцать раз. Едва раздался последний удар, как Туртманы энергично хлопнули дверцей «фольксвагена». Они подошли незаметно и теперь торопились продолжить путь.

– Мы осмотрели все, что хотели, – гаркнул мой клиент. – Мы намерены выехать из города по противоположному холму, но сперва хотим сфотографировать статую герцога Карло. Так у нас останется больше времени на Равенну.

– Вам решать, – сказал я.

Мы сели в машину; я, как и накануне, занял место водителя. Мы выехали с пьяцца Маджоре, спустились по холму к пьяцца делла Вита и через центр города направились к пьяцца дель Дука Карло. Теперь мне стало понятно, почему у четы Лонги не ладились дела. Новый отель «Панорама», с видом на город и холмы, с выкрашенными балконами, цветочными бордюрами и апельсиновыми деревцами, гораздо больше привлекал туристов, чем скромный «Отель деи Дучи».

– Ба, – заявил герр Туртман, – вот где нам следовало остановиться. – И он сердито посмотрел на меня.

– Слишком поздно, мой друг, слишком поздно, – пробормотал я на своем родном языке.

– Что? Что вы сказали?

– Отель «Панорама» откроется только к Пасхе, – беззаботным тоном объяснил я.

Я остановил машину, и Туртманы вышли, чтобы сфотографировать статую герцога Карло и окружающий вид. Раньше здесь было место официальных прогулок. Именитые горожане с женами, детьми и собаками прохаживались по плато с аккуратно высаженными деревьями, кустами и летними грунтовыми растениями. Во всяком случае, здесь можно было сменить обстановку. По склону холма, ближе к вершине, выросли новые здания, и сиротский приют, который когда-то высился в уродливом одиночестве, окаймляли более приятные на вид жилища. Теперь здесь, видимо, раскинулся современный фешенебельный квартал Руффано, бросающий вызов более знаменитому южному холму. Когда мои клиенты, завершив утреннюю порцию съемок, подходили к машине, я с саквояжем в руке вышел из «фольксвагена».

– Здесь, герр Туртман, я пожелаю вам всего доброго. – Я протянул ему руку. – Дорога, что направо от площади, приведет вас вниз, к порта Мальбранче, и дальше на север. До Равенны поезжайте берегом, это самый короткий путь.

Герр Туртман и его жена с удивлением уставились на меня; он даже заморгал под своими золотыми очками.

– Вас наняли гидом и шофером, – сказал герр Туртман. – Мы договорились с агентом в Риме.

– Это недоразумение. – Я поклонился. – Я взялся сопровождать вас до Руффано и не далее. Сожалею о причиненном вам беспокойстве.

Я питаю известное уважение к немцам. Они понимают, когда их побили. Будь мой клиент моим соотечественником или французом, он бы разразился обвинениями и жалобами. Но не герр Туртман. Этот поджал губы и, смерив меня взглядом, приказал жене садиться в машину.

– Как угодно, – проговорил он. – Ваши услуги я оплатил вперед. Римской конторе придется возместить ущерб.

Он сел в машину, шумно захлопнул дверцу и завел мотор. Через секунду «фольксваген» уже катил через пьяцца дель Дука Карло и вскоре скрылся из виду. И из моей жизни. Я больше не групповод. Не возничий. Я повернулся спиной к доброму герцогу Карло, стоявшему на высоком пьедестале, и посмотрел на юг, на противоположный холм. Дворец герцогов Мальбранче с двумя смотрящими на запад башнями-близнецами словно корона украшал его вершину. Я стал спускаться вниз, в город.

Глава 5

В полдень пьяцца делла Вита (площадь Жизни) полностью соответствует своему названию. Женщины уже сделали покупки и разошлись по домам готовить второй завтрак. Их сменили мужчины. Когда я добрался до центра города, там собрались толпы мужчин. Лавочники, мелкие торговцы, праздношатающиеся, юноши, пожилые: они разговаривали, сплетничали, некоторые просто стояли и смотрели по сторонам. Таков обычай, так было всегда. Посторонний человек, недавно приехавший в Руффано, мог бы принять их за членов некоей организации, которая собирается захватить город. И ошибся бы. Эти люди и были сам город. То был Руффано.

Я купил газету и, прислонясь к колонне, стал перелистывать страницы в поисках римских новостей. Наконец мне попались на глаза несколько строчек про убийство на виа Сицилиа: «Личность женщины, убитой два дня назад на виа Сицилиа, еще не установлена. Полагают, что она приехала из провинции. Водитель грузовика сообщает, что при выезде из Терни посадил в машину женщину, чья внешность соответствует описанию убитой. Полиция продолжает расследование».

Вчера, перед тем как свернуть на Сполето, мы проезжали Терни. Любой бродяга, отправляющийся из Руффано на юг, в Рим, был бы рад проделать оставшийся путь на грузовике. Водитель, разумеется, уже явился в полицию и опознал тело; к тому же описание убитой разослано во все города страны, чтобы полиция могла сверить его со списками объявленных в розыск. Но что, если убитая женщина не значится в списке? Что, если она просто ушла из дому? Я не мог вспомнить, были у Марты родственники или нет. Конечно же, как только Альдо появился на свет, она целиком посвятила себя моим родителям и с тех пор не расставалась с нами. Она никогда не упоминала ни о братьях, ни о сестрах… Ее привязанность, преданность, вся ее жизнь была отдана нам.

Я опустил газету и огляделся. Ни одного знакомого голоса, даже старческого. И неудивительно, ведь я покинул Руффано, когда мне было всего одиннадцать лет. В тот день, когда мы – я, моя мать и комендант – уехали в штабной машине, Марта отправилась на мессу. Зная ее привычки, мать специально выбрала время отъезда.

– Я оставлю Марте записку, – сказала она мне, – и она поедет за нами со своими вещами. Сейчас у нас нет времени с ними возиться.

Я не понимал, что это значит. Военные постоянно то приезжали, то уезжали. Война кончилась, и все же казалось, что кругом еще больше солдат. Не наших – немецких. Это было выше моего понимания.

– Куда комендант нас повезет? – спросил я мать.

– Какое это имеет значение, – уклончиво ответила она. – Лишь бы уехать из Руффано. Комендант о нас позаботится.

Я был уверен, что Марта очень расстроится, когда вернется домой. Она вовсе не хотела уезжать. Коменданта она ненавидела.

– Ты уверена, что Марта поедет за нами?

– Да, да, конечно.

Итак, вперед – высовываться из штабной машины, отдавать честь, смотреть на мелькающие за окнами виды, с каждым днем все меньше думать о Марте, месяц за месяцем выслушивать все больше лжи, видеть все больше уловок. И наконец забыть, забыть… До третьего дня…

Я перешел через площадь и остановился у церкви Сан-Чиприано. Она была закрыта. В полдень все церкви закрыты… В мои обязанности групповода, помимо прочего, входило

примирять туристов с этим фактом. Теперь и мне нужно было чем-то занять время до часа открытия.

И вдруг я увидел человека, которого знал. Он с группой приятелей стоял на площади – косоглазый малый с длинным, узким лицом. Он почти не изменился и в старости выглядел так же, как в сорок пять. Это был сапожник с виа Россини, время от времени он чинил нам обувь. Его сестра Мария служила у нас кухаркой и дружила с Мартой. Он и его сестра, если она еще жива, наверняка поддерживают с ней отношения. Вопрос был в том, как подойти к нему, не выдав себя. Не сводя с него глаз, я закурил еще одну сигарету.

Но вот беседа закончилась, и он двинулся с места. Но не вверх по виа Россини, а влево от площади, по виа деи Мартири, и затем свернул в боковую улочку. Чувствуя себя детективом из полицейского романа, я пошел за ним. Идти приходилось медленно – он то и дело останавливался, чтобы перемолвиться со знакомыми; и мне, из опасения привлечь к себе внимание, приходилось наклоняться, делая вид, будто я завязываю шнурок ботинка, или озираться вокруг, словно заблудившийся турист.

Он пошел дальше и в дальнем конце узкой улочки свернул налево. Когда я с ним поравнялся, он стоял на верхней ступени крутой лестницы у небольшой часовни Оньиссанти. Ступени почти вертикально спускались на расположенную внизу виа деи Мартири. Он посторонился, давая мне пройти.

– Извините, синьор, – сказал он.

– Прошу прощения, синьор, – ответил я. – Я впервые в Руффано и шел без особой цели.

Взгляд его косых глаз всегда приводил меня в замешательство: я не знал, смотрит он на меня или нет.

– Лестница Оньиссанти, – сказал он, показывая рукой на ступени. – Часовня Оньиссанти.

– Да, – сказал я, – вижу.

– Вы хотите осмотреть часовню, синьор? – спросил он. – Ключ у моей соседки.

– В другой раз, – возразил я. – Не беспокойтесь, прошу вас.

– Никакого беспокойства, – заверил он меня. – Соседка сейчас должна быть дома. В сезон она открывает часовню в определенные часы. Сейчас это ни к чему.

И прежде чем я успел его остановить, он крикнул в окно небольшого домика перед часовней. Окно открылось, и из него высунулась голова пожилой женщины.

– В чем дело, синьор Джиджи?

Джиджи, так и есть. Именно это имя было на вывеске сапожной мастерской. Нашей кухаркой была Мария Джиджи.

– Посетитель желает осмотреть часовню! – крикнул он и стал ждать, пока женщина спустится вниз.

Окно с шумом захлопнулось. Я чувствовал себя незваным гостем.

– Прошу прощения за беспокойство, – сказал я.

– К вашим услугам, синьор, – ответил он.

Я был уверен, что косые глаза внимательно меня рассматривают. Я отвернулся. Через несколько секунд дверь открылась и появилась женщина со связкой ключей в руках. Она отперла дверь часовни и знаком предложила мне войти. С притворным интересом я смотрел по сторонам. Главной достопримечательностью часовни были восковые скульптуры святых мучеников. Я помнил, как меня приводили сюда в детстве и однажды служитель отчитал меня за то, что я хотел потрогать их руками.

– Великолепно, – заметил я, обращаясь к наблюдавшей за мной паре.

– Таких больше нигде нет, – сказал сапожник и, о чем-то вспомнив, добавил: – Синьор сказал, что он не из Руффано?

– Нет, – сказал я. – Я приехал из Турина. – Инстинкт подсказал мне назвать родной город отчима, где умерла моя мать.

– Ах из Турина. – Казалось, он был разочарован. – У вас в Турине нет ничего подобного.

– У нас есть плащаница, – возразил я, – плащаница, в которую был завернут Спаситель. На ней до сих пор сохранились следы священного тела.

– Я этого не знал, – виновато заметил он.

Какое-то время мы молчали. Женщина звякнула ключами. Я снова почувствовал на себе взгляд сапожника и немного смутился.

– Благодарю вас, – обратился я к ним обоим. – Я увидел вполне достаточно.

Я протянул женщине двести лир, и она спрятала их в карман широкой юбки. Затем пожал сапожнику руку и еще раз поблагодарил его за любезность. Спускаясь по лестнице Оньиссанти, я почти не сомневался, что они смотрят мне вслед. Возможно, я кого-то или что-то им напомнил, хотя что общего могло быть между мужчиной из Турина и десятилетним мальчуганом.

Я вновь направился в сторону пьяцца делла Вита и на виа Сан-Чиприано в нескольких шагах от церкви заметил небольшой ресторан. Я позавтракал, выкурил сигарету, но в голове у меня по-прежнему не было никаких планов. Ресторана этого я не помнил, он был новый и, видимо, пользовался популярностью, поскольку вскоре все столики оказались занятыми. Повинуясь смутному беспокойству, я вынул сложенную газету и поставил ее перед собой, прислонив к графину с вином.

– Извините, у вас не занято? – спросил чей-то голос.

Я поднял глаза.

– Разумеется нет, синьорина. – Я слегка вздрогнул от неожиданности и освободил место на столике.

– Кажется, утром я видела вас во дворце, – сказала она.

Я с удивлением взглянул на нее и тут же извинился. Я узнал женщину-лектора, которая водила группу студентов.

– Вы старались от нас ускользнуть, – сказала она. – Не могу осуждать вас за это.

Она улыбнулась. У нее была приятная улыбка, хотя рот несколько великоват; волосы, разделенные пробором, были зачесаны назад. На вид – года тридцать два. Под левым глазом я заметил у нее большую родинку. Некоторые мужчины находят такие метки сексуально привлекательными. У каждого свой вкус…

– Я пытался убежать не от вас, – объяснил я, – а только от ваших слушателей.

Гораздо реже общаясь со своими соотечественниками, чем с представителями других национальностей, особенно с американцами и англичанами, и всегда находясь в подчиненном положении, я разучился общению с итальянками, которые любят, чтобы за ними ухаживали, и рассматривают это как простую любезность с вашей стороны.

– Если у вас было желание что-нибудь узнать о выставленных во дворце картинах, вы могли бы к нам присоединиться.

– Я не студент, – ответил я, – и не люблю быть одним из многих.

– Вероятно, вы предпочли бы персонального гида, – пробормотала она.

Я понял, что до окончания трапезы галантность будет наилучшей линией поведения. Наскучив ею, я всегда могу взглянуть на часы и извиниться, сославшись на то, что спешу.

– Как и большинство мужчин, – сказал я. – Вы не находите?

Она улыбнулась улыбкой заговорщицы и сделала знак официанту.

– Возможно, вы и правы, – сказала она. – Но я преподаватель университета и должна выполнять свою работу. Должна нравиться как мальчикам, так и девочкам и вложить некоторые факты в их упрямые головы.

– Это сложная задача?

– С большинством из них – да, – ответила она.

У нее были маленькие руки. Мне нравится, когда у женщин маленькие руки. Колец она не носила.

– Что входит в ваши обязанности? – спросил я.

– Я прикреплена к факультету истории искусств, – ответила она. – Два-три раза в неделю читаю лекции студентам второго и третьего курсов и вожу первокурсников во дворец, как сегодня, и в другие места, представляющие интерес. Я здесь уже два года.

Официант принес ее заказ. Несколько минут она ела молча. Затем взглянула на меня и улыбнулась.

– А вы? – спросила она. – Вы приезжий? На туриста вы не похожи.

– Я групповод, – ответил я. – Приглядываю за туристами, как вы приглядываете за студентами.

– И ваши подопечные здесь, в Руффано? – На ее лице появилась легкая гримаса.

– Нет. Сегодня утром я в последний раз пожелал им хорошей скорости.

– И теперь…

– Можно сказать, что теперь я свободен для предложений.

Некоторое время она молчала. Ее целиком занимала еда. Но вот она отодвинула тарелку и принялась за салат.

– Для какого рода предложений? – спросила она.

– Делайте. Я отвечу.

Она посмотрела на меня, словно о чем-то задумавшись.

– Какими языками вы владеете?

– Английским, немецким и французским. Но я никогда не читал лекций, – сказал я.

– Я этого и не предлагала. У вас есть диплом?

– Туринский диплом по иностранным языкам.

– В таком случае, почему групповод?

– Видишь страну. Хорошие чаевые.

Я заказал еще кофе. Беседа ни к чему меня не обязывала.

– Итак, у вас каникулы? – сказала она.

– По собственному желанию. Я не уволен, просто захотел несколько недель отдохнуть от постоянной работы. И, как уже сказал, открыт для предложений.

Она закончила со своим салатом. Я предложил ей сигарету, она согласилась.

– Возможно, я смогу вам помочь, – сказала она. – В университетской библиотеке временно не хватает сотрудников. Часть нашего персонала все еще размещается в одной из комнат дворца. Потом они переедут в новое помещение между университетом и студенческим общежитием, но наше прекрасное здание откроется только после Пасхи. Сейчас у нас полный беспорядок. Библиотекарь – мой хороший знакомый. Ему не обойтись без дополнительной помощи. А диплом по современным языкам… – Она не закончила, но по ее жесту можно было понять, что остальное не составит труда.

– Звучит заманчиво, – сказал я.

– Про оплату я ничего не знаю, – поспешно добавила она. – Думаю, не много. И, как я сказала, работа временная, но, может быть, именно это вам и подойдет.

– Возможно.

Она подозвала официанта и тоже заказала кофе. Затем вынула из сумки визитную карточку и подала ее мне. Я взглянул на карточку и прочел: «Карла Распа, Руффано, виа Сан-Микеле, 5». Я подал ей свою: «Армино Фаббио, „Саншайн Турз“».

Она иронично вскинула брови и положила мою визитную карточку в сумку.

– «Саншайн Турз», – пробормотала она. – Может, и стоит заняться. После окончания рабочего дня Руффано словно вымирает. – Не сводя с меня глаз, она допила кофе. – Надо

подумать. А сейчас я должна вас покинуть, в три у меня лекция. После четырех я буду в библиотеке и, если вы примете мое предложение, могу вас представить библиотекарю Джузеппе Фосси. Для меня он всё сделает. Ест у меня с руки.

По выражению, мелькнувшему в ее глазах, можно было догадаться, что он делает не только это. Я галантно вернул ей взгляд. Из соображений вежливости мы по-прежнему оставались заговорщиками.

– Документы при вас? – спросила она, вставая из-за стола.

Я похлопал рукой но нагрудному карману:

– Всегда при мне.

– Отлично. А теперь до свидания.

– До свидания, синьорина. И благодарю вас.

Она вышла на улицу и скрылась. Я еще раз взглянул на визитную карточку. Карла Распа. Имя ей подходило. Твердое, как ноготь, и с мягкой серединой, как неаполитанское мороженое. Мне стало жаль библиотекаря Джузеппе Фосси. Однако для меня это могло быть выходом на две-три недели. Конечно, не работа. Возможно, одно зависит от другого, но об этом пока можно не думать.

Я расплатился и с саквояжем в руке вышел на улицу, чувствуя себя улиткой, на которую навалился весь мир; затем перешел улицу, чтобы узнать, можно ли наконец войти в церковь Сан-Чиприано. На сей раз она была открыта. Я вошел внутрь.

Запах церкви, как прежде запах дворца, вернул меня в прошлое. Здесь меня охватили воспоминания, хоть и не такие острые, но более мрачные, приглушенные, – воспоминания о воскресных и праздничных днях, связанных с необходимостью хранить молчание, с беспокойством и страстным желанием вырваться наружу. Церковь Сан-Чиприано напомнила мне не о благочестивых чувствах, не о молитвах, а лишь об остром ощущении моей незначительности и одиночества в толпе взрослых, монотонном голосе священника, руке Альдо на моем локте и желании писать.

Кроме ризничего, который возился со свечами в большом алтаре, в церкви никого не было, и я, инстинктивно передвигаясь на цыпочках, прошел в левый придел. Ризничий продолжал заниматься своим делом, и от главного алтаря до меня долетали глухие звуки. Я нашел выключатель и зажег в приделе свет. Свет упал на алтарь. Неудивительно, что в детстве меня пугала фигура в саване, лицо, с которого спадали льняные покровы, глаза, что в ужасе смотрели на Господа. Теперь я понимал: картина эта далеко не шедевр. Написанный во времена, когда в моде были мученическое выражение лица и экзальтированные жесты, воскрешенный Лазарь казался мне, взрослому человеку, гротеском. Но Мария, в молитвенном экстазе склонившаяся на переднем плане картины, была все той же Мартой, все той же сгорбленной женщиной на паперти в Риме.

Я выключил свет и вышел из придела. Две ночи назад во сне я был еще ребенком с пылким воображением. Теперь наваждение рассеялось; воскресший Лазарь потерял надо мной власть.

Когда я выходил из левого придела, ризничий заметил меня и, шаркая ногами, двинулся мне навстречу. И вдруг меня осенило.

– Извините, – сказал я, – записи о крещении хранятся здесь, в церкви?

– Да, синьор, – ответил ризничий, – записи в ризнице. Приблизительно с начала века. Что до более ранних, то они хранятся в пресвитерии.

– Нельзя ли мне посмотреть записи за 1933 год?

Ризничий нерешительно пробормотал что-то о том, что священника нет в церкви. Я сунул ему в руку банкноту и объяснил, что в Руффано я проездом, едва ли вернусь снова и хочу посмотреть запись о крещении одного родственника. Он уже не возражал и предложил мне пройти с ним в ризницу.

Я молча ждал, пока он искал нужную книгу. Меня окружала атмосфера святости. На крючках висели стихари и епитрахили. Все было пропитано слабым запахом ладана и мастики. Наконец ризничий подошел ко мне с книгой в руках.

– Здесь у нас записи с 1931 по 1935 год, – сказал он. – Если вашего родственника крестили в Сан-Чиприано, то его имя должно быть здесь.

Я взял книгу и раскрыл ее. Это было похоже на перелистывание страниц прошлого. Сколько же здесь моих родственников, родившихся и крестившихся в Руффано! Теперь они выросли и рассеялись по свету, а может быть, по-прежнему живут здесь, в городе, – владельцы магазинов, мелкие чиновники, но в этой книге они – младенцы, всего несколько дней от роду…

Я нашел тринадцатое июля, день моего рождения. А вот и запись о моем крещении, через две недели, в воскресенье: «Армино. Сын Альдо Донати и Франчески Росси. Крестные родители: Альдо Донати – брат, Федерико Поненти, Эда Поненти». Я совсем забыл, что Альдо, которому в то время еще не исполнилось девяти лет, был моим восприемником. Он написал свое имя круглым детским почерком, но в нем уже чувствовалось гораздо больше индивидуальности, чем в безликих росчерках моих кузенов. Если не ошибаюсь, они жили в Анконе. Я зримо представил себе всю картину. Первое причастие. В устремленном на меня взгляде Альдо – угроза вечной кары, если я по неуклюжести выроню гостию из раскрытого рта.

– Вы нашли нужную запись? – спросил ризничий.

– Да, – ответил я. – Она здесь.

Я закрыл книгу и отдал ему в руки. Он поставил ее обратно в шкаф, в длинный ряд таких же томов.

– Подождите, – попросил я. – У вас есть записи за двадцатые годы?

– Двадцатые, синьор? За какой именно?

– Дайте подумать. Пожалуй, за двадцать пятый.

Он снял с полки другой том:

– Здесь с двадцать первого по двадцать пятый.

Я взял книгу и раскрыл ее на ноябре. Семнадцатое ноября. День рождения Альдо. Эта дата всегда имела для меня особое значение. Даже в Генуе, когда осенним утром я смотрел на календарь, висевший в нашей конторе, ноябрь семнадцатого дня был для меня едва ли не священным.

Странно… Наверное, Альдо был болезненным младенцем – его крестили в самый день его появления на свет. «Альдо. Сын Альдо Донати и Франчески Росси. Крестные родители: Альдо Донати – отец, Луиджи Спека, Франческа Росси».

Кто такой Луиджи Спека? Я ничего о нем не знал. Что-то подсказывало мне, что не знал и Альдо. И почему двойная запись?

– Скажите, – обратился я к ризничему, – вы когда-нибудь слышали, чтобы ребенка крестили дважды?

Он покачал головой:

– Нет, синьор. Правда, если ребенок был болен и родители опасались, что он умрет, то могло случиться, что его крестили в день рождения, а потом, когда он окреп, церемонию повторили. Синьору еще нужна книга?

– Нет, – ответил я, – возьмите.

Я подождал, пока ризничий поставит книгу в шкаф и повернет ключ, потом вышел на солнечный свет, перешел пьяцца делла Вита и зашагал по виа Россини. Странно, что Альдо крестили два раза. Если бы мы знали эту историю, Альдо непременно извлек бы из нее пользу. Я живо представил себе, как он говорит мне: «Я получил двойное благословение». Конечно, Марта знала все про это крещение… Размышляя об этом, я снова вспомнил косого

сапожника и оглянулся, ища глазами его мастерскую, которая находилась где-то поблизости, на левой стороне улицы. А вот и она… Но больше, солиднее, с рядами выставленной на продажу обуви. Нет и в помине перевернутых вверх подошвами туфель – знака того, что здесь занимаются починкой. Над дверью – другое имя. Должно быть, мой утренний знакомец, косоглазый Джиджи, отошел от дел и поселился по соседству с часовней. Только он да его сестра, если она еще жива, могли что-нибудь знать о Марте, но я не имел ни малейшего представления, как к нему подойти, не назвав себя.

Так же обстояло дело и с супругами Лонги из «Отеля деи Дучи». Проще всего вернуться и сказать: «Вчера вечером я хотел вам сказать, что я младший сын Альдо Донати. Помните моего отца, хранителя герцогского дворца?» Даже дряблое лицо синьоры после первого потрясения расплылось бы в улыбке. И затем: «Вы не помните Марту? Что с Мартой?»

Но всякий, кто, как я, возвращается из прошлого, должен оставаться безымянным. Одному и втайне мне, возможно, и удастся разобраться в его хитросплетениях – но только одному и втайне.

Второй раз за этот день я прошел мимо герцогского дворца и, свернув налево, вскоре оказался на виа деи Соньи. Мне хотелось взглянуть на наш старый дом при свете дня. Снег здесь, как и везде в Руффано, растаял, и солнце, наверное, все утро заливало дом – окна второго этажа были распахнуты. Когда-то там была спальня наших родителей: в раннем детстве – мое святилище, позднее – комната, которую надо избегать.

Кто-то играл на рояле. В наше время рояля в доме не было. Казалось, играет профессионал. Из окна лился стремительный каскад звуков. В нем было что-то знакомое, возможно слышанное мною по радио или, скорее, из музыкальных классов Туринского университета, когда я спешил мимо них на лекции. Мои губы подхватили немного веселую, немного грустную мелодию – мелодию вне возраста, вне времени. Дебюсси. Да, Дебюсси. Порядком заигранная «Арабеска», но в мастерском исполнении.

Я стоял под стеной и слушал. Мелодия лилась, ширилась, затем перешла в другую тональность, звучание стало более торжественным; но вот вновь повторился полетный каскад, все выше, выше, уверенно, радостно и, наконец, нисходящая гамма, замирающая, тающая. Казалось, она говорит: все кончено, больше никогда. Невинность юности, радость детства, прыжок из кровати навстречу новому дню… все прошло, пыл пропал, рвение угасло. Повторение этой фразы – не более чем напоминание, эхо былого – того, что так быстро проходит, что невозможно ни удержать, ни вернуть…

Музыка оборвалась на последних тактах. Я услышал звонок телефона. Наверное, игравший, кто бы он ни был, пошел снять трубку. Окно закрылось, все стихло.

Телефон стоял в холле, и если моя мать была наверху, то, подбежав к нему, она снимала трубку, едва переводя дух. Возможно, человек, игравший на рояле, тоже бегом спустился в холл. Мой взгляд остановился на дереве, ветви которого шатром раскинулись над маленьким садом. Где-то в их гуще до сих пор прячется резиновый мячик; я очень им дорожил, но однажды закинул на дерево, да так и не отыскал. Там ли он сейчас? При этой мысли мне стало немного обидно, и я почувствовал острую антипатию к нынешнему владельцу моего дома. Он вправе бродить по комнатам, открывать и закрывать окна, отвечать на телефонные звонки. А я всего лишь посторонний, разглядывающий чужие стены.

Вновь зазвучал рояль. Теперь это был «Прелюд» Шопена, скорбный, страстный. После телефонного звонка настроение игравшего изменилось, нервы дали волю мрачной меланхолии. Но все это не имело ко мне никакого отношения.

Пройдя до конца виа деи Соньи, я вышел на виа 8 Сеттембре и остановился перед университетом. Казалось, я вступил в иное время. Повсюду бурлила молодость: юноши и девушки группами выходили из аудиторий; они разговаривали, смеялись, рассаживались по

мотороллерам. К старым зданиям, издавна известным под названием Учебный дом, были пристроены новые флигели, окна сияли не только свежей краской, но и несвойственной им прежде жизнью. На противоположной стороне улицы тоже высились новые постройки; здания, венчавшие вершину холма, – возможно, новая библиотека – еще только подводились под крышу. Университет был уже не тем осыпающимся, полинявшим гнездом учености, каким я его запомнил с детских лет. Суровая аскетичность была изгнана. Теперь в нем правила бал молодость, с ее великолепным презрением ко всему обветшалому и потрепанному. Во всю мощь ревели транзисторы.

Сжимая пальцами ручку саквояжа, я стоял, как путник на границе двух миров. Один – виа деи Соньи моего прошлого, полная воспоминаний, но уже не моя; другой – мир деятельный, шумный, но столь же равнодушный ко мне. Мертвецы не должны возвращаться. Лазарь был прав, терзаемый дурными предчувствиями. Застигнутый между прошлым и будущим, страшась того и другого, он искал небытия могилы – но тщетно.

– Привет, – раздалось над моим ухом. – Вы уже приняли какое-нибудь решение?

Я обернулся и увидел Карлу Распа. Она была холодна, сдержанна, но во всем ее облике чувствовалась уверенность. Без сомнения, в себе самой.

«Да, синьорина. Благодарю за хлопоты, но я решил уехать из Руффано». Именно так я намеревался ответить. Но слова эти произнесены не были. Мимо нас промчался на мотороллере какой-то парень. Он громко смеялся. На руле его мотороллера развевался маленький флажок, совсем как в годы войны на капоте штабной машины коменданта, приятеля моей матери, развевалась его ненавистная эмблема. Флажок студента был обычной туристической дешевкой, наверное купленной за несколько сотен лир на пьяцца Маджоре, но на нем был изображен сокол Мальбранче, и я в моем ностальгическом настроении усмотрел в этом знак.

Вновь войдя в привычную для меня роль групповода, я поклонился синьорине, при этом скользнув по ее лицу, телу и ногам ласкающим взглядом, который – и нам обоим это было прекрасно известно – ровно ничего не значил.

– Я как раз шел во дворец, – сказал я ей. – Если вы свободны, то, возможно, мы могли бы пойти вместе?

Итак, путь к отступлению был отрезан.

Глава 6

Университетская библиотека размещалась на первом этаже герцогского дворца, в бывшем банкетном зале. При моем отце здесь хранились рукописи и документы, они и теперь лежали на отдельных полках, в стороне от тех, что временно были предоставлены университету. Моя новая знакомая чувствовала себя здесь как дома. Я шел за ней, делая вид, будто впервые оказался в этих стенах.

Просторная комната была гораздо больших размеров, чем мне запомнилось. В ней витал аромат, неотделимый от книг; многие из них были сложены стопками прямо на полу. Кругом царила полная неразбериха. Один служащий, стоя на коленях, вкладывал в книги регистрационные карточки. Другой, застыв на стремянке, разбирал верхние полки. Третий, изможденная особа женского пола, что-то записывал под диктовку личности, в которой я сразу признал библиотекаря Джузеппе Фосси. Это был невысокий крепыш с оливково-зеленым цветом лица и бегающими глазками навыкате, каковые для меня всегда ассоциируются с тайными свиданиями. Увидев мою спутницу, он прервался на полуслове, бросил свою фаворитку и поспешил нам навстречу.

– Джузеппе, я нашла тебе помощника, – сказала Карла Распа. – У синьора Фаббио диплом по современным языкам, и он с благодарностью согласится на временную работу.

Синьор Фосси смерил меня оценивающим взглядом, и в его выпученных глазах мелькнула затаенная враждебность – уж не появился ли соперник? Затем он, не теряя времени, повернулся к предмету своего обожания:

– Синьор Фаббио твой знакомый?

– Знакомый знакомого, – поспешно ответила она. – Синьор Фаббио работал в туристическом агентстве в Генуе. Я знакома с управляющим.

Эта ложь, при всей ее неожиданности, сделала свое дело.

– Мне действительно нужен помощник, – признался библиотекарь. – Человек со знанием языков – бесценная находка для составления каталога иностранных книг. Видите, какой здесь беспорядок. – Он с извиняющимся видом показал на комнату и продолжил: – Но, предупреждаю, оплата невелика, и если я вас приму, мне придется улаживать это дело с университетским начальством.

Я жестом дал понять, что приму любое предложение, и он снова перевел глаза на Карлу Распа. Она ответила ему тем же взглядом, что и мне в ресторане на виа Сан-Чиприано, но куда более неотразимым. Библиотекарь разволновался:

– Ну, тогда… я придумаю, как все уладить. С вашей помощью я вздохну свободнее. А так, все вечера…

Они снова обменялись заговорщицкими взглядами. Теперь я понял, что имела в виду моя спутница, говоря, что по ночам Руффано вымирает; тем не менее угодить ей, должно быть, нетрудно.

Пока Джузеппе Фосси разговаривал по телефону, мы притворялись глухими. Но вот трубка легла на рычаг.

– Все улажено, – объявил он. – Везде одно и то же. Если дело не касается лично их, во всем университете ни у кого нет времени, и всё приходится решать самому.

Я поблагодарил, выразив некоторое удивление, что вопрос о временном увеличении штата решился так быстро.

– Ректор болен, – объяснил Джузеппе Фосси. – Без него нет и власти. Университет – это он.

– Увы, наш возлюбленный ректор, – шепотом проговорила синьорина, и мне показалось, что в ее голосе прозвучала ирония, – перенес тромбоз, побывав в Риме на совещании,

и с тех пор лежит в больнице. Без него мы просто пропадаем. Вот уже несколько недель, как он болен.

– И никто не исполняет его обязанности?

– Заместитель ректора, профессор Риццио, – ответила она. – Он же заведует учебным отделом и все время проводит в спорах с профессором Элиа, деканом факультета экономики и коммерции.

– Ну-ну, Карла, – укоризненно заметил библиотекарь, – курить и сплетничать в библиотеке запрещено. Тебе следовало бы это знать.

Он снисходительно похлопал ее по руке и, покачав головой, взглянул на меня. Покачивание головой означало несогласие с ее словами, похлопывание по руке – подтверждение права собственности. Я молча улыбнулся.

– Я должна вас покинуть, – сказала она, оставив нас в сомнении относительно того, к кому обращены эти слова. – В пять у меня еще одна лекция. – Она протянула мне руку: – Увидимся. – И быстрым шагом направилась к двери.

– Карла, минуту… – Синьор Фосси поспешил за ней.

Пока я ждал указаний, один из сотрудников украдкой подмигнул мне. О чем-то пошептавшись с синьориной, синьор Фосси вернулся и коротко бросил:

– Если не возражаете, можете сегодня же приступить к работе. Этим вы всем нам очень поможете.

В течение следующих двух часов он знакомил меня с моими обязанностями. Особое внимание следовало обратить на то, что некоторые тома из университетской библиотеки смешались с книгами, принадлежащими дворцу, которыми ведал художественный совет Руффано.

– Огромное упущение, – заметил синьор Фосси. – Это случилось еще до меня. Но всем неприятностям придет конец, когда мы перевезем свои книги в новую университетскую библиотеку. Вы видели здание? Оно почти закончено. И все благодаря ректору, профессору Бутали. Для университета он творит чудеса. – Библиотекарь понизил голос и бросил взгляд в сторону ближайшего к нам сотрудника. – Хотя многие ему и мешают. Обычное дело в небольших городах вроде нашего. Соперничество между факультетами да взаимная ревность университета и художественного совета. Одни хотят одного, другие – другого. На ректоре лежит неблагодарная задача всех примирять.

– Это и стало причиной сердечного приступа? – спросил я.

– Думаю, да, – ответил библиотекарь, и в его глазах загорелся понимающий огонек. – К тому же у него жена – красавица. Синьора Бутали на несколько лет моложе мужа.

Я продолжал разбирать книги. Где-то в начале седьмого Джузеппе Фосси посмотрел на часы.

– В семь у меня свидание, – сказал он. – Вы не побудете здесь еще час? А перед уходом зайдите, пожалуйста, в регистрационное бюро и запишитесь. Если желаете, возьмите там список адресов, по которым можно найти квартиру. Университет имеет приоритетное право на ряд комнат с пансионом. Если вам что-нибудь понадобится, синьорина Катти поможет.

Когда Джузеппе Фосси, пожелав нам всего доброго, торопливо вышел из комнаты, служащая лет пятидесяти угрюмо посмотрела на меня сквозь стекла очков, после чего с тем же выражением лица вернулась к своим записям. Младший сотрудник, которого, как я слышал, звали Тони, подошел ко мне.

– Сегодня вечером он сбавит вес, – шепотом проговорил Тони.

– С дамой, которая вышла отсюда пару часов назад?

– Говорят, она неутомима. Правда, сам я не пробовал попытать счастья.

Синьорина Катти резким голосом велела ему убрать несколько книг с ее стола. Я спрятал лицо в огромный фолиант. Прошел час. Ровно в семь я подошел к столу синьорины Катти

и, выслушав сухое уведомление о том, что на сегодня моя работа закончена, отправился в регистрационное бюро. Тони последовал моему примеру, и мы вместе двинулись через притихший двор к выходу из дворца.

Перед парадной лестницей, ведущей к герцогским покоям на втором этаже, я задержался. Везде ярко горел свет, и откуда-то сверху до меня долетал гул голосов.

– Что там такое? Разве дворец не закрывается в четыре часа?

– Да, для посетителей, – ответил Тони, – но председатель художественного совета может приходить и уходить, когда пожелает. К тому же сейчас он занимается подготовкой фестиваля.

У боковой двери сидел дежурный смотритель. Мы попрощались с ним и вышли на пьяцца Маджоре.

– Фестиваля? – переспросил я.

– Ну да, неужели вы о нем ничего не знаете? Это наш великий день. Фестиваль учредил ректор, профессор Бутали, чтобы сделать наш университет более известным, но сейчас это гордость всего Руффано, люди приезжают издалека. Студенты дают замечательное представление. В прошлом году оно состоялось здесь, во дворце. – Тони обмотал вокруг шеи шарф и свернул к прислоненному к стене мотороллеру. – Идете на свидание? Если нет, моя Диди вас пристроит. Она работает в керамических мастерских, но знает многих студенток с ЭК, там есть прехорошенькие.

– ЭК?…

– Факультет экономики и коммерции. Три года как открылся, но по числу студентов скоро обгонит все остальные факультеты. Большинство из его студентов живут в городе или приезжают на занятия из других мест – в том-то и штука! Они не ютятся в студенческих общежитиях, как остальные.

Он улыбнулся и завел свой мотороллер. Сквозь рев мотора я крикнул, что мне надо зайти в бюро, чтобы записаться и найти место для ночлега. Он помахал мне рукой и рванул вперед. Я смотрел ему вслед с таким чувством, будто мне по крайней мере лет сто. Если тебе за тридцать, то юным ты кажешься дряхлым стариком.

Я направился к зданию университета. Войдя в вестибюль, увидел дверь с надписью «Регистрационное бюро» и рядом с ней окно, за которым сидел дежурный.

– Моя фамилия Фаббио. – Я протянул удостоверение личности. – Библиотекарь синьор Фосси просил меня зайти к вам.

– Да, да…

Казалось, он уже знал обо мне и без дальнейших вопросов что-то вписал в свою книгу. Затем протянул мне пропуск и анкету, чтобы я расписался. И адреса.

– Ищите комнату по этому списку, – сказал он. – С тех, кого мы посылаем, плату берут поменьше.

Я поблагодарил и уже собирался уйти, но немного помедлил.

– Между прочим, вы не скажете, кто живет в доме номер восемь по виа деи Соньи?

– Восемь? – переспросил дежурный.

– Да, – сказал я, – дом за высокой стеной и с одним-единственным деревом в маленьком саду.

– Это дом ректора, – ответил он, пристально глядя на меня. – Профессора Бутали. Но сейчас он болен, и его нет в городе. Он в Риме, в больнице.

– Да, мне это известно, но я не знал, что он живет на виа деи Соньи.

– Там он и живет. Ректор и синьора Бутали уже несколько лет как туда переехали.

– А кто там играет на рояле?

– Синьора. Она преподает музыку. Но сомневаюсь, что она сейчас дома. Она в Риме вместе с профессором.

– Днем я проходил мимо этого дома, и мне показалось, что там кто-то играет на рояле, – сказал я.

– Возможно, она вернулась, – сказал он. – Я могу и не знать.

Я попрощался и вышел. Итак, сам ректор оказал честь моему дому, избрав его своей резиденцией. В прежние времена глава университета жил рядом со студенческим общежитием. Очевидно, продавец открыток и флажков был прав, сказав, что в городе многое изменилось и что с нашествием мальчиков и девочек, изучающих экономику и коммерцию, мой родной Руффано скоро станет соперником Перуджи и Турина.

Спускаясь с холма, я снова прошел мимо герцогского дворца и остановился под уличным фонарем посмотреть список адресов. Виа Россини, виа 8 Сеттембре, виа Ламбетта… нет, слишком близко к студентам. Виа Сан-Чиприано… да, возможно. Виа Сан-Микеле… я улыбнулся. Не там ли свила гнездышко синьорина Карла Распа? Я достал ее визитную карточку. Дом номер 5. В списке указан дом номер 24. Стоит заглянуть. Я поднял саквояж и пошел вниз по виа деи Соньи.

Должно быть, вчера снегопад разогнал по домам все население города. Сегодня вечером тоже было холодно, но звезды ярко сияли, и площадь была полна народу, однако в отличие от дневной толпы, которую по давнему обычаю в основном составляли мужчины средних лет, теперь повсюду виднелись молодые лица. Девушки, без устали щебеча и смеясь, парами прохаживались перед колоннадой; юноши, засунув руки в карманы, улыбаясь и насвистывая, держались группами, некоторые сидели на мотороллерах. Через несколько минут в кинотеатре должен был начаться сеанс, и сверкающая огнями реклама обещала страсти под карибскими небесами. «Отель деи Дучи» на противоположной стороне выглядел заброшенным и до крайности несовременным.

Я перешел через площадь, оставив без внимания взгляд невысокой рыжеволосой красотки – факультет экономики и коммерции? – и, свернув направо, оказался на виа Сан-Микеле. Я отыскал глазами табличку с номером 5. Перед домом стояла малолитражка. Джузеппе Фосси? Сквозь ставни второго этажа пробивался свет. Ну что ж… удачи ему. Я пошел дальше, на сей раз в поисках дома номер 24. Он находился на противоположной стороне улицы, но из его окон дом номер 5 был отлично виден. Мне вдруг стало весело, и я, словно школьник-проказник, решил обследовать дом. Дверь была незаперта, в вестибюле горел свет. Я заглянул в свой список… Синьора Сильвани. Я вошел и осмотрелся. Везде было чисто – результат недавнего ремонта, и из невидимой мне кухни доносился соблазнительный запах. Кто-то бежал вниз по лестнице. Оказалось, девушка лет двадцати с мелкими чертами лица и огромными глазами сказочной феи.

– Вы ищете синьору Сильвани? – спросила девушка. – Она на кухне, я ей скажу.

– Нет, подождите минутку. – Мне нравилась атмосфера дома, нравилась девушка. – Этот адрес мне дали в университете. Я временно работаю помощником библиотекаря, и мне нужна комната на пару недель. Здесь есть свободные?

– Есть одна свободная комната на верхнем этаже, – ответила девушка. – Но, может быть, она уже заказана. Вам надо спросить у синьоры Сильвани. Я просто студентка.

– Экономика и коммерция? – спросил я.

– Да, как вы догадались?

– Мне говорили, что туда принимают только самых хорошеньких девушек.

Она рассмеялась и, спустившись в вестибюль, остановилась рядом со мной. Мне всегда доставляет удовольствие, когда девушка ниже меня ростом. Эту можно было принять за ребенка.

– А я и не знала, – заметила она. – Во всяком случае, мы живые и всем даем это понять. Так ведь, Паоло? – По лестнице спустился юноша, такой же красивый, как и она. – Это мой брат. Мы оба студенты факультета экономики и коммерции. Мы приехали из Сан-Марино.

Я пожал руку им обоим.

– Армино Фаббио из Турина, хотя работаю обычно в Генуе.

– Катерина и Паоло Паскуале, – в один голос ответили они.

– Послушайте, – сказал я, – как, по-вашему, стоит мне снять здесь комнату?

– Конечно, – сказал юноша. – Здесь чисто, удобно и хорошо кормят. – Он кивнул головой в сторону кухни. – И не связывают во времени. Мы приходим и уходим, когда хотим.

– К тому же мы компания покладистая, – добавила девушка. – Кто хочет заниматься – занимается, кто хочет развлекаться – развлекается. Паоло и я делаем понемножку и то и другое. Обязательно узнайте про комнату.

У нее была дружелюбная, приветливая улыбка, у него тоже. Не дожидаясь моего ответа, она громко позвала хозяйку. Дверь кухни отворилась, и появилась синьора. Это была плотная женщина средних лет, с высокой грудью и огромными бедрами, привлекательная и с первого взгляда располагающая к себе.

– Вам нужна комната? – спросила она. – Пойдемте посмотрим.

Женщина протиснулась между мной и Паоло и стала подниматься по лестнице.

– Вот видите, – рассмеялась Катерина, – как все просто. Надеюсь, вам понравится. А мы с Паоло идем в кино. До встречи.

Переговариваясь и смеясь, они вышли из дома, а я следом за синьорой Сильвани начал подниматься по лестнице.

Мы поднялись на последний этаж, и она распахнула дверь комнаты. Окна выходили на улицу. Синьора Сильвани включила свет, я подошел к окну и открыл ставни: предпочитаю знать, где я нахожусь и что могу увидеть. Я выглянул из окна: малолитражка по-прежнему стояла перед домом номер 5. Затем я оглядел комнату. Она была невелика, но в ней имелось все необходимое.

– Мне подходит, – сказал я.

– Хорошо. Тогда располагайтесь. Стол по желанию. Когда надумаете обедать в городе, предупредите меня, но если и забудете, я не обижусь. Сейчас мы накрываем обед, если хотите – можете к нам присоединиться.

Любезный прием, неофициальная атмосфера, никаких вопросов – все это меня вполне устраивало. Я разобрал свой саквояж, умылся, побрился и спустился вниз. Звук голосов привел меня в столовую. Синьора Сильвани уже восседала во главе стола и разливала суп. За столом сидело еще четыре человека: средних лет мужчина, которого синьора сразу представила как своего мужа, такой же дородный и упитанный, как она, – и трое вполне безобидных на вид студентов, ни один из которых не мог похвастаться внешностью Паоло.

– Наш новый постоялец, синьор Фаббио, – объявила хозяйка. – А это Джино, Марио и Джерардо. Садитесь и будьте как дома.

– Прошу вас без церемоний, – сказал я. – Меня зовут Армино. Не так давно я и сам в Турине готовился к экзаменам на степень бакалавра.

– Гуманитарий?

– Иностранные языки. Разве я так похож на гуманитария?

Ответом был взрыв смеха и дружное «Да!», после чего сидевший рядом со мной Джино объяснил, что это их дежурная шутка и каждого новичка постояльцы синьоры Сильвани обвиняют в принадлежности к гуманитариям.

– Так вот, я работаю групповодом в туристическом агентстве. Но поскольку сейчас состою при университетской библиотеке, то, возможно, и попадаю в категорию гуманитариев.

Со всех сторон послышались дружелюбные возражения.

– Не обращайте на них внимания, – улыбнулся хозяин. – Просто эти ребята изучают экономику и коммерцию и поэтому думают, что весь Руффано принадлежит им одним.

– Но, синьор, ведь так оно и есть, – возразил один из студентов, кажется Джерардо. – Мы – свежая кровь университета. Остальные не в счет.

– Так говорите вы, – сказала синьора Сильвани, наливая мне суп, – но мы слышали и другое. Потому-то студенты гуманитарных факультетов, да и кое-кто еще, и считают вас шайкой хулиганов.

Мой сосед Джино объяснил мне, что факультет экономики и коммерции процветает. Дополнительная плата за обучение, которая поступает от его студентов, дает университету возможность тратить гораздо больше, чем он мог себе позволить за всю свою долгую историю. Отсюда новые здания, новая библиотека.

– Без нас ничего этого не было бы, – со страстью в голосе говорил Джино. – И при всем том эти зубрилы с педагогического и гуманитарии воротят от нас нос, точно мы дрянь какая-то. Но мы уже почти обогнали их числом, а через год-другой и вообще их утопим.

– Скажу вам, – вступил в разговор Марио, – что на днях дело дойдет до драки, и я знаю, кто победит.

В библиотеке мой новый приятель Тони назвал студентов ЭК славной компанией. Он был прав.

– Видите ли, – заметил синьор Сильвани, когда студенты о чем-то заспорили, – эти ребята не знали войны. Им надо выпустить пар. Соперничество между факультетами – один из способов.

– Возможно, и так, – сказал я. – Но не предполагает ли это отсутствие такта у их профессоров?

Мой хозяин покачал головой.

– Ректор – прекрасный человек, – возразил он. – В Руффано никто не пользуется таким уважением, как профессор Бутали. Но вы же знаете, что он болен.

– Да, в библиотеке мне сказали об этом.

– Говорят, он чуть не умер, но сейчас поправляется. Да и синьора Бутали – превосходная женщина. Их очень, очень уважают. С тех пор как его нет, это глупое соперничество разгорелось пуще прежнего, но стоит ректору вернуться, оно прекратится, уверяю вас. Здесь во многом виноваты старые профессора, во всяком случае так поговаривают в префектуре, где я работаю. Глава учебного отдела профессор Риццио и его сестра, директриса женского студенческого общежития, – люди довольно ограниченные, с устоявшимися взглядами и привычками, и вполне естественно, что их возмущает поведение декана факультета экономики и коммерции профессора Элиа. У нас таких называют «толкачами», уж слишком он самоуверен, и к тому же приезжает сюда из Милана.

Воздавая должное прекрасной стряпне синьоры Сильвани, я подумал, что отвечать за целый автобус туристов-иностранцев, наверное, куда проще, чем поддерживать мир между группами студентов вроде тех, что сидят рядом со мной. Я не помнил, чтобы в Турине чувствовался такой накал страстей.

Обед закончился, и наше небольшое общество распалось. Студенты отправились на пьяцца делла Вита, а я извинился перед хозяевами за отказ присоединиться к ним в гостиной за кофе и сигаретами. Сильвани – славная, приветливая пара, но на этот вечер с меня хватило разговоров.

Я поднялся в свою комнату, взял пальто и вышел на улицу. Машина еще не отъехала от дома номер 5. Молодежь Руффано по-прежнему расхаживала по пьяцца делла Вита, но гуляющих стало меньше. Должно быть, многие отправились смотреть фильм о Карибском море, остальные разошлись по домам и укромным, темным уголкам. Я прошел мимо «Отеля деи Дучи» и стал спускаться к пьяцца Меркато. Слева, высоко надо мной, неясно вырисовывался западный фасад герцогского дворца с двумя возносящимися к небу башнями. Ребенком в этот час я уже лежал в постели. Я никогда не видел башни ночью или просто

не понимал их красоты и изящества. Их силуэт походил на фантастический театральный задник, открывшийся перед изумленным зрителем, как только подняли занавес. На первый взгляд они казались хрупкими, эфемерными. Понимание приходило позже. Эти стены были реальны, грозны, как стены настоящей крепости, скрывающие за собой смертоносную силу. Башенки над балюстрадой пронзали тьму подобно остро наточенным копьям. Представшая предо мной красота покоряла сердце… и таила угрозу.

Прямо передо мной тянулась виа делле Мура, окружавшая весь Руффано, слева была лестница, ведущая к дворцу. Я решил подняться по ней, но едва поставил ногу на первую ступеньку, как услышал топот: кто-то сломя голову сбегал по лестнице. Спуск был очень крутым, и быстрый бег мог закончиться бедой.

– Осторожно! – крикнул я. – Вы упадете!

Из темноты вынырнул бегущий человек. Он споткнулся, и я протянул руку, чтобы не дать ему упасть. Это был юноша, наверное студент; он попытался вырваться от меня, и я заметил в его глазах неподдельный ужас.

– Нет, – сказал он. – Нет… Отпустите меня.

Я выпустил его руку, и он, рыдая, бросился бежать дальше. Некоторое время до меня долетал глухой топот.

Я стал подниматься по лестнице, прислушиваясь и внимательно глядя перед собой. Лестницу освещал один-единственный фонарь, и ступени были едва различимы во тьме.

– Здесь есть кто-нибудь? – крикнул я.

Никто не ответил. Я устало добрел до верху и огляделся. Справа от меня тянулась дворцовая ограда, ближайшая из двух башен зловеще высилась во мраке. Я заметил, что маленькая дверь рядом с всегда запертым портиком между башнями открыта. Около нее кто-то стоял. Я сделал несколько шагов в ту сторону, фигура исчезла, дверь бесшумно закрылась.

Я прошел мимо безмолвного, погруженного во тьму дворца и вышел на аллею, ведущую к собору и пьяцца Маджоре. Вид испуганного юноши не на шутку встревожил меня. Он мог сломать себе шею. Открытая дверь, неподвижная фигура произвели на меня гнетущее впечатление, в них было что-то зловещее. Я перешел через площадь. Все молчало. Я свернул в боковую улочку, ведущую к виа деи Соньи, и у меня вновь возникло желание взглянуть на мой старый дом.

Кругом не было ни души. Какое-то время я стоял под стеной, глядя на окна дома. Сквозь ставни второго этажа пробивался свет, но музыки я не услышал. Вдруг со стороны дворца до меня донесся звук шагов. Я инстинктивно свернул за угол и стал ждать. Шаги приближались, уверенные, четкие. Если это преследование, то человек, который шел за мной, даже не старался остаться незамеченным. Мрачный колокол кампанилы у меня за спиной пробил десять раз, и через несколько секунд его звон подхватили колокола других церквей. Шаги смолкли перед дверью в стене, окружавшей сад и дом. Я выглянул из-за угла и увидел мужскую фигуру. Как и я, он сперва поднял глаза на дом, затем подошел к двери и взялся за ручку. Наверное, жена ректора так же нуждалась в утешении, как ее предшественница двадцать лет назад.

Прежде чем открыть дверь, мужчина помедлил, и свет уличного фонаря упал на его лицо. Он вошел в дом и закрыл за собой дверь. Я стоял неподвижно, внезапно лишившись способности мыслить, чувствовать… Нет, этот мужчина не был незнакомцем. Это был мой брат Альдо.

Глава 7

Я проскользнул мимо группы студентов, которые, о чем-то болтая, задержались у дома номер 2 по виа Сан-Микеле – среди них были брат и сестра Паскуале, – и сразу поднялся в свою комнату. Я сел на кровать и бессмысленно уставился на противоположную стену. Конечно же, это мираж, игра света. Подсознательная ассоциация с нашим домом. Альдо подстрелили, он сгорел в сорок третьем. Моя мать получила телеграмму. Я помнил, как она уставилась на конверт – наверняка там были плохие новости, потом прошла на кухню, позвала Марту, и они довольно долго оставались там за закрытой дверью.

У детей есть чутье на дурные вести. Я сидел на лестнице и ждал. Наконец мать вышла из кухни. Она не плакала; на ее лице застыло выражение, какое обычно бывает у взрослых, когда их что-то глубоко взволновало или потрясло. «Альдо умер, – сказала она, – убит во время вылета. Его сбили союзники». И она поднялась в свою комнату. Я прокрался на кухню, где, уронив руки на колени, сидела Марта. В отличие от моей матери она онемела от горя, и по щекам у нее текли слезы. Она протянула ко мне руки. Я тут же расплакался и подбежал к ней.

– Мой малыш, Беато, – сказала она. – Мой ягненок, мой Беато. Ты его так любил, ты любил своего брата.

– Это неправда, – повторял я, задыхаясь от рыданий. – Это неправда. Они не могут убить Альдо. Никто не может убить Альдо.

– Нет, это правда, – сказала Марта, крепко прижимая меня к себе. – Он ушел так, как хотел уйти. Он должен был взлететь и упасть. Альдо, твой Альдо.

Память милосердна. После того первого дня наступил провал во времени, я больше ничего не чувствовал. Должно быть, прошло несколько недель, и я, наверное, носил траур, ходил с товарищами в школу и чуть ли не с гордостью говорил им: «Да, мой брат умер. Сбит во время полета», словно такая смерть прибавляла славы. Бегал вверх-вниз по лестнице. Тогда-то я и забросил мяч на дерево. Отдельные, изолированные во времени происшествия слились с другими, несравненно более значительными: капитуляцией и перемирием, смысла которых я не понимал, с прибытием в Руффано немцев и коменданта. Жизнь, какой я ее знал, подошла к концу.

И вот сейчас, сидя на кровати в пансионате Сильвани, я вновь переживал те первые мгновения и убеждал себя, что тот, кого я только что видел, несомненно живой человек, и я ошибся, отождествляя его с тем, кто давно умер. Это была галлюцинация. То же, что случилось с учениками, когда им казалось, что они видят Господа, воскресшего Христа.

В дверь неожиданно постучали, я вздрогнул.

– Кто там?

Не знаю, чего я ожидал, возможно появления незнакомца-призрака. Мой вопрос был принят за разрешение войти.

– Извините нас, – сказала девушка, Катерина, – но когда вы пришли, то выглядели совсем больным. Вот мы и подумали, не случилось ли чего.

Я выпрямился. Мне стоило больших усилий казаться спокойным.

– Ничего не случилось, – ответил я. – Абсолютно ничего. Просто я довольно быстро шел, вот и все.

Мой невразумительный ответ был встречен молчанием. По лицам молодых людей я догадался, что любопытство борется в них с вежливостью.

– А почему вы шли так быстро? – спросил Паоло.

Его вопрос показался мне несколько странным. Словно он догадывался… Но как он мог догадаться? Они меня не знали. А я не знал их.

– Так уж получилось, – сказал я. – Я прошелся вокруг дворца, по соседним улицам и вернулся сюда. Я зашел дальше, чем думал.

Они обменялись взглядами. И снова я подумал, что они догадались, они знают.

– Не подумайте, будто мы собираемся вмешиваться, – сказал Паоло, – но за вами случайно не следили?

– Следили? – переспросил я. – Почему? Нет… Кому здесь за мной следить?

У меня было такое чувство, будто я оправдываюсь. Что могли знать эти дети о прошлом, о моем доме? Что могли они знать о моем покойном брате Альдо?

– Дело в том, – тихо проговорила Катерина, затворяя дверь, – что за теми, кто ночью бродит около дворца, время от времени следят. Ходят разные слухи. Если вы в компании, то этого не случается. Только с одиночками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.